

18+

ВСЕМИРНАЯ ПАУТИНА

Александр Н

Александр Н

Всемирная паутина

«Издательские решения»

N A.

Всемирная паутина / А. N — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859397-0

Узнайте историю создания Интернета, которую 25 лет скрывали от его пользователей. Разрабатывая «Всемирную паутину», компьютерный гений сталкивается с ожесточённым сопротивлением со стороны загадочной группы людей и обнаруживает тайну, способную пошатнуть основы человеческой цивилизации.

ISBN 978-5-44-859397-0

© N A.

© Издательские решения

Всемирная паутина

Александр N

Редактор Ольга Чернова

Редактор-консультант Евгения Беянина

© Александр N, 2024

ISBN 978-5-4485-9397-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГНІКЈU

Внезапно рывком с головы сорвали мешок из плотной грубой ткани. Мужчина содрогнулся и медленно поднял лицо, щурясь от резкого света и боли. Чувствовалось, как липкая, густая кровь обильно покрывала щеку, ухо и глаз, а тонкая верёвка до онемения вьелась в кожу запястий. Он медленно осмотрелся. Это был странный ангар с узкими окнами под самым потолком. Ливень порывисто барабанил по стёклам и металлической крыше. Гулко гроыхнул гром.

Низко свисавшие с потолка лампы, покачиваясь, бледным светом озаряли несколько человек, располагавшихся напротив: на другой стороне длинного железного стола. Ещё один стоял поодаль, навалившись плечом на стальную вертикальную балку, и задумчиво курил, время от времени поглядывая исподлобья. Сидевший посередине старик в длинном чёрном плаще поднял добрые, слегка прищуренные от постоянной вдумчивости глаза и заговорил. В окружающем шуме его голос звучал отчётливо и ясно, пронимая до самой глубины.

– Джон, как вы считаете: Бог существует?

Вопрос был настолько неуместным, что Джон долго сидел, не реагируя и глядя перед собой. Он, изобретатель всемирной сети Интернет, был готов к любым вопросам, касающимся компьютеров, сетей, программ, но никак не Бога. При чём тут Бог?! Даже после безумного, ураганного водоворота немыслимых приключений, которые обрушились на простого программиста за последние недели, этот вопрос застал его врасплох. От непонимания и шока он с неуверенной ухмылкой взглянул старику в глаза. Но на лице того не было и тени сарказма.

– Или же всё, что нас окружало и окружает: и бактерии, и космос, утконосы и озоновые дыры, мировые войны и Солнечная система – всё: от человечества до канцелярской скрепки, – случайность?

Джон не сводил глаз со старика, а тот смотрел на него.

– Ответьте! – после долгой паузы бросил старик.

– Нет... не случайность, – глухо прохрипел Джон.

– Стало быть, за всем тем, что мы обыкновенно называем «жизнь», стоит какая-то «высшая сила», «Бог». Так вы полагаете?

Джон кивнул, теряясь в догадках.

– Нечто, что руководит ходом нашего путешествия, что ведёт нас по определённому курсу к каким-то своим целям. Так?

Джон пожал плечами.

– В таком случае, – улыбнулся старик, – если у нашего «верховного главнокомандующего» есть какая-то цель – светлое будущее, к которому мы все идём, – то как же вышло,

что в жизни столько несправедливости?.. Почему пять миллиардов Божьих сыновей и дочерей каждый день испытывают ощущение несовершенства, душевной боли, чувство неравенства?.. Молод – нет денег, появились деньги – умерла мать, отправился в путешествие познавать красоту мира – подхватил неизлечимую заразу, встретил свою вторую половинку – а у неё рак... А если ты – дитя природы: живёшь на берегу моря, слушаешь птиц, помогаешь диким животным, любишь каждый листочек и травинку, то придёт какой-нибудь завоеватель и дотла сожжёт твою деревню со всей семьёй. И душа никогда не находит покоя... Так что же это за игра такая под названием «Жизнь», в которой короткие моменты счастья разбавляются жгучим чувством несправедливости? И нет успокоения в этой игре, и боль – душевная боль – приходит снова и снова: беден ты, богат ли; белый, азиат или темнокожий; мужчина или женщина; ребёнок или пожилой человек – ты без конца барахтаешься в этом диком, невыносимом ощущении, что... – старик придвинулся и пристально посмотрел Джону в расширяющиеся от страха глаза, – ... **НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ – И ЕСТЬ БОЖЬЯ ЦЕЛЬ...**

По окнам полоснула острая, как нож, молния, и на крышу ангара, сотрясая землю, рухнул раскатистый гром. Джон сидел, вжавшись в стул. По шее, словно паук, ползла тонкая струйка холодного пота. Следующие слова старика звучали будто в тишине:

– Так зачем Ему это, Джон? Чего Он добивается? – его добрые, мудрые глаза слегка улыбались.

Молчание, словно сигаретный дым, висело в воздухе. Только сильный ливень свирепо бился в окна. Старик откинулся на спинку стула:

– Думаете, вы изобрели компьютерную сеть? Хм... Сядьте поудобнее, молодой человек, вас ожидает грандиозная история. Вы узнаете о заговоре такого масштаба, с каким люди ещё не сталкивались...

...Заговор против человечества... от самого Бога...

UKFDF 01

Персонажи, о которых повествуется в данной книге, являются подлинными историческими личностями. Места, здания и храмы реально существуют и располагаются по соответствующим адресам. В книге описываются устройства, программы и изобретения, информацию о которых вы можете найти в официальных справочниках.

Тем не менее, с целью защиты частной жизни упоминаемых здесь людей, их имена изменены. Тайна, разоблачаемая в данной книге, до недавнего момента была известна чрезвычайно ограниченному кругу лиц.

Раскрытие этой могущественной тайны пошатнёт основы человеческой цивилизации.

13 июля 1976 г.

За наглухо закупоренными окнами полыхало столь восхитительное лето, какое бывает в Англии раз в двадцать лет. Птицы и листва наперебой пели об одном: такой июль пропустить нельзя, от такого июля душа наполняется счастьем.

В комнате было невыносимо душно от жаркой погоды и едкого запаха жжёной канифоли. За столом, подальше от окна, опутанный проводами и обложенный тонной распечатанных бумаг и грудой разнообразных радиодеталей, сутуло сидел молодой человек. Его бесцветные прямые брови сосредоточенно застыли под высоким лбом, русые взъерошенные волосы

торчали во все стороны, а в усталых глазах горел огонёк, какой бывает у людей, задумавших что-то особенное: что невозможно передать словами, можно только построить и показать всему человечеству работающую модель. На нём была белая льняная рубашка с короткими рукавами и длинные нелепые брюки. На одной ноге сидел носок, на другой – тапок.

Поднеся к самому носу, молодой человек разглядывал печатную плату, усыпанную микросхемами. Коснувшись громоздким старым паяльником платы ещё пару раз, он подул на свежий припой и отложил паяльник на край стола.

Теперь, когда электронная схема была собрана и представляла собой клубок из оголённых проводов, свисающих микропроцессоров и смотанных между собой грубой изолентой миниатюрных радиодеталей, оставалось лишь подключить её к ламповому телевизору, который он принёс заранее и водрузил на тумбу рядом. Молодой человек аккуратно переподсоединил между собой несколько кабелей, шлейфов и проводов и включил тяжёлым рубильником питание. На экране загорелась точка, и замигал прямоугольный курсор. Молодой человек набрал пару команд, вставил в магнитофон аудиокассету с надписью «BASIC 2.0» и вдавил тугую кнопку «Воспроизвести».

Какое-то время из динамиков доносились лёгкое пощёлкивание и шуршание, а потом тишину пронзила заливающая трель, острая и резкая, как сверло дантиста. Перебрасывая взгляд то на магнитофон, то на экран телевизора, то на клубок микросхем, он убедился, что всё работает верно, и выкрутил ручку громкости в ноль.

В комнату вернулась тишина. Блок питания ровно гудел вместе с телевизором. Молодой человек, не выпрямляя спины, откинулся на спинку стула и на секунду отвлёкся от своего стола и радиодеталей: прислушался к миру. Снаружи ликовало лето. Там, за окном, виднелась живая зелёная шапка столетнего каштана, стоявшего совсем рядом, а за ним, позади – бесконечно голубое небо с единственным нелепым круглым облачком в углу. Молодой человек сощурился и потёр пальцами глаза у переносицы.

На стуле стояла шахматная доска, на которой располагались всего четыре фигуры: две пешки и два короля. Это был знаменитый таинственный этюд Рихарда Рети, на решение которого в этой комнате уходила неделя за неделей.

В коридоре, слегка раскачивая старое деревянное здание студенческого общежития, загромыхали тяжёлые шаги, и дверь распахнулась, со звоном и грохотом врезав по столу.

– Джон, ты издеваешься?! – прозвучал раздражённый голос.

В проёме стоял парень в футболке, шортах и шлёпанцах. Его солнечно-рыжие волосы торчали, словно языки пламени, и, казалось, светились изнутри. Лицо парня было густо покрыто веснушками, которые в летнюю пору превращались в большие тёмно-оранжевые узоры. Из-под рыжих бровей строго смотрели небесно-голубые глаза. От такого буйства красок хотелось сощуриться.

– Пит, привет! Я уже почти собрал, смотри... – виновато заулыбался Джон.

Питер сделал резкий шаг в комнату.

– Послушай, – тяжело дыша, затараторил он, – сегодня вечером выпускной бал. Всё! Завтра ты уже не увидишь своих сокурсников. Ты можешь этот последний день провести с нами, а не со своими микросхемами?

Джон потупил взгляд.

– Я почти собрал, Пит!

Питер резко потянулся к выключателю блока питания, но Джон вскочил и перегородил собой подход к столу. Шахматные фигуры попадали с доски на пол.

– Выходи из своей берлоги, – процедил сквозь зубы Питер, – а то хуже будет.

– Дай мне ещё час! Я за час управлюсь...

Питер бросил резкий взгляд.

– И сразу прибеги к вам...

Пит махнул рукой, резко развернулся и поспешно выскочил из комнаты.

– Вы где? В парке, да? – крикнул вдогонку Джон.

Но Питер уже исчез.

Джон почесал в затылке и повернулся обратно к столу. Телевизор показывал чёрный экран. Курсор терпеливо ожидал у начала строки. У Джона мелкой дрожью затряслись руки. Он перепайвал схему уже в четвёртый раз, и все предыдущие попытки оказались безуспешными. А теперь тело нового компьютера было наполнено душой. Компьютер жил. Машина молчаливо взирала на своего Создателя и ожидала от него первого слова.

Превозмогая волнение, Джон бросился к инструкции, перевернул несколько страниц и нашёл нужный параграф: «В начале введите Слово «LOGIN» – было написано жирным шрифтом в самой первой книге. Джон нашёл на клавиатуре букву «L» в правой части, затем, снова осмотрев все кнопки, нашёл букву «O» прямо над предыдущей, и когда на экране отображалось «LO», а Джон уже тянулся к «G», компьютер икнул и со звуком останавливающегося поезда погас вместе с телевизором.

Комната будто опустела. Джон держал вспотевшие руки над столом, боясь чего-либо коснуться. Взгляд останавливался то на блоке питания, то на клавиатуре, то на экране телевизора, то на гуде проводов и микросхем, соединявших всё это. Затем, набравшись неистовой смелости, он потянулся к выключателю блока питания и щёлкнул тумблером пару раз. Безжизненное тело компьютера не шевелилось. Как же так?! Что случилось?! Телевизор тоже не отвечал. В груди было ощущение, как у рыбы, которую рыбаки выдернули из воды: минуту назад была жизнь, а сейчас – безжизненность...

Джон просидел, не двигаясь, целую минуту, но ничего не происходило. Необходимо было что-то предпринимать, как-то чинить. Он ещё раз осмотрел все соединения, пощёлкал выключателем, проверил питание. Стоп! Если телевизор не работает, значит, просто нет света! Джон размотал лежащий тут же на столе амперметр и коснулся щупом одного из проводов. Так и есть! Видимо, старый, дряхлый блок питания закоротил сеть... Электричества не было.

Джон нехотя встал из-за стола. Эта очередная неудача сильно подпортила настроение. Он выдернул компьютер и телевизор из розеток и вышел из комнаты.

Коридор был широким: в две комнаты шириной, с низкими потолками, в самом конце которого яркий солнечный свет бил сквозь поделённое на неширокие секции окно, занимавшее всю стену – от края до края, от пола до потолка. Бело-оранжевые лучи заполняли шероховатости коридора и отражались от дощатого пола, покрытого грубой коричневой краской. Стена света, словно огромный экран монитора, была прямо напротив глаз и горела столь яростно, что и торшеры, висящие возле каждого проёма, и цветы в горшках, расставленные тут и там, и тяжёлые дубовые двери, крашенные уже сотню раз – всё это казалось силуэтом.

Было что-то магическое в этом мгновении. Такое часто запоминают на всю жизнь и ностальгируют время от времени. Не помнят подробностей, не помнят деталей, помнят лишь чувство – ощущение, что твоя великая история начинается сегодня.

Джон ковылял по коридору, погружённый одновременно и в свои переживания, и в ощущение магии. Позади скрипнула дверь.

– Что со светом, Джонно? – показалось круглое лицо девушки в уютной пижаме.

Джон, не сбавляя темпа, пожал плечами, развернулся на ходу и сделал несколько шагов спиной вперёд.

– Не знаю. Пробки вылетели.

– Ты починишь? Можно рассчитывать?

– Да, иду поглядеть.

– Муа-а-а... – посылая воздушный поцелуй, девушка скрылась за дверью.

Пройдя мимо стены света, он очутился на громоздкой деревянной лестнице, ведущей вниз.

Сбежав по ступенькам два пролёта и чуть не налетев на повороте на раскидистую пальму в широком горшке, стоявшую прямо на полу, Джон оттолкнул входную дверь и, ошеломлённый, остановился. В этом море красок, звуков и запахов трудно было не потонуть.

Жмурясь, морщившись всем лицом от ярких лучей солнца, врезавших по глазам, Джон каждым шагом прорубал себе дорогу в этом буйстве ощущений. Мимо, позвякивая и тарахтя трещоткой, проносились велосипеды; воробьи, заливаясь воплями, купались в пылевой яме; шелестела и шуршала листва, а свежескошенная трава пахла так, словно все лучшие чаи Великой Британии перемешали между собой и рассыпали по территории кампуса Оксфордского университета.

Не доставая рук из карманов, Джон старался сутоло пройти мимо всего этого.

Повернув за угол, он остановился. Возле распределительной коробки на скейтборде сидел Питер. Тот немедленно вскочил. Его лицо стало серьёзным.

– Это ты вырубил? – робко спросил Джон.

– Да, это я вырубил.

Джон виновато уставился в пол.

– Ты знаешь, что Джессика не идёт на бал из-за тебя?

– Да я всё закончу через час и приду, время ещё есть!

– Джон, нужно не просто припереться в галстук. Бал – это ритуал! Нужно пригласить спутницу как положено! Нужно быть джентльменом. Ты, конечно, компьютерный гений и хакер от бога, но не нужно «взламывать» добрые человеческие традиции! Ничего крутого в этом нет.

Джон молча кивнул.

– Эта любовь к компьютерам, Джон – это здорово! Мы все на факультете немного на них повёрнуты. Но люди, Джон! Нельзя заменить людей на микросхемы. Ты не сможешь спрятать свою жизнь за компьютером. Тебе нужно научиться взаимодействовать с людьми, связываться с ними. Связь между людьми, между живыми людьми, Джон, невозможно вести через компьютеры. Люди общаются с людьми. И только так. А если ты не будешь взаимодействовать с людьми, то станешь таким же, как твой компьютер: пустой никчёмной консервной банкой, одиноко стоящей в комнате.

Джон серьёзно и виновато посмотрел в глаза Питеру и понимающе кивнул.

– Хорошо, – смягчился тот, – дуй к Джесс, вымаливай у неё прощение и сразу вместе с ней к нам в парк...

Он сделал шаг навстречу и скупно обнял Джона.

– Давай проведём последний день вместе!..

Джон отошёл на шаг и, тяжело вздохнув, поковылял в сторону нового общежития, но тут же остановился и повернулся к Питеру.

– Электричество вруби!

– Ещё чего, – усмехнулся Пит.

– Там девчонки, и народ...

– Ладно, ладно, врублю, конечно... Я тебе доверяю...

Питер уже остался за спиной.

– Я тебе доверяю, Джон! – крикнул тот вслед.

UKFDF 10

Джон подошёл к аккуратной светло-серой двери и прислонился лбом. Прислушался, затем шепнул:

– Джесс?

За дверью что-то глухо брякнуло, бухнулось об пол, зашуршало, и воцарилась тишина.

– Джессика, я знаю, ты меня ненавидишь... – Джон закрыл глаза и, разочарованный самим собой, вздохнул, – ... но есть и хорошие новости! – он слегка улыбнулся, – в твоём клубе уже два человека: я тоже себя ненавижу. И может, я подумал, на почве этой объединяющей ненависти к одному человеку мы станем друзьями? Ну... заведём журнал сплетен о нём... Готов скинуться на куклу вуду.

Джон виновато улыбнулся. Из-за двери не доносилось ни звука.

– Пойми меня, Джесс... с компьютерами я чувствую себя первооткрывателем, отважным мореплавателем. Я обнаруживаю новые земли, новые возможности и перспективы для всего мира. Я чувствую себя полезным и важным. С компьютерами я как верблюд в пустыне: там всё понятно и справедливо, там – логика. А с людьми... С людьми я не умею... Одному поможешь, а он тебя предаст; другому душу откроешь, а он этим воспользуется.

Джон сжал губы и расстроено покачал головой.

– Не умею я с людьми... Питер умеет, ты умеешь, все вы, ребята, такие молодцы: держитесь вместе. А у меня не получается... Может, в моей программе какая-то ошибка?..

Джон постоял в тишине некоторое время. Мысли не лезли в голову.

– Прости меня, Джесс. Ты мне очень нужна... Если бы однажды ты смогла понять, принять меня, это сделало бы меня самым счастливым человеком на Земле. Но мне, правда, крайне больно, что иногда заставляю тебя чувствовать себя одинокой...

Джон вновь робко улыбнулся:

– Можем завести тебе рыбок... или крокодилу какую-нибудь.

Из-за двери давила неестественная тишина.

Джон замер, прислушался, а затем, надавив на ручку, плавно приоткрыл дверь.

В крохотной комнате стояла узкая кровать во всю длину стены, а напротив небольшой стол и приставленный к нему стульчик. Одна створка шкафа была открыта, и оттуда выглядывали платья и блузы, под которыми аккуратно, как в магазине, лежали сложенными брюки разных расцветок. Миниатюрные тувельки стояли в ряд возле двери, а на стене висели портреты и большая карта мира с наколотыми на ней двумя булавами, отмечающими места совершенных путешествий.

Стол и подоконник были заставлены горшками с самыми разнообразными цветами. Прямо напротив двери дышало настежь распахнутое окно, а занавеска свисала наружу.

В два шага Джон прошёл комнатку и выглянул на улицу. Неподалёку на небольшой полянке скрипели старые металлические качели, на которых энергично раскачивалась совершенно миниатюрная юная девушка. Джон перелез через подоконник и ступил на траву под окнами.

У девушки были прямые длинные волосы, аккуратно расчёсанные и порхающие следом, очаровательный курносый носик, огромные выразительные серо-зелёные глаза и тонкие губы уголками вниз. Она была одета в пышную мужскую белую рубаху, застёгнутую на все пуговицы и заправленную в смелые чёрные штаны с широкими бёдрами и высокой талией. Её милое личико выражало разочарованность и выставленное напоказ безразличие.

Неуверенной поступью Джон подошёл ближе, а Джессика напряжённо смотрела мимо него, словно того не существовало. Несколько секунд молодой человек любовался нежными чертами лица юной девушки, а потом кашлянул и робко заговорил:

– Я там собрал целую кучу листьев на одном дереве, и они теперь шелестят. Хочешь, пойдём, покажу.

Джессика смотрела перед собой – в одну точку – и делала вид, что никакого Джона здесь нет. Тот опустил голову, потоптался на месте и, вычерчивая ногой какую-то надпись на земле перед качелями, удручённо продолжил:

– У меня оба родителя – математики. Папа – математик, а мама – математик. Я в детстве на перфокартах рисунки рисовал дырочками, пока мои друзья в футбол гоняли. Джесс, мне

двадцать один год, я плавать не умею! Разве это одно – не повод присвоить мне степень психического расстройства?

Джессика настойчиво, с напряжённым лицом раскачивалась на качелях, ускоряя темп. Джон отошёл в сторону – на земле было начертано «Джон здесь» и стрелка указывала к его стопам.

– Я знаю, что это нечестно, даже немного подло, но сейчас я начну петь, и чтобы заткнуть меня, тебе придётся признать, что я существую.

Он встал перед лицом Джессики и, глядя в глаза, попытался поцеловать её, когда она подлетела к нему на качелях. Но его губы оказались недостаточно близко, и та улетела обратно.

– Джесс, – начал петь он, – о-о, о-о-о...

Та вновь подлетела к вытянутым губам Джона, но вновь далековато. Тот сделал ещё полшага.

– Ты и я-я-я...

С глухим хрустом колени Джессики врезались Джону в грудь. Он отлетел на два метра, свалился на землю и замер. Джессика вскрикнула, неловко соскочила с качели на полном ходу, и бросилась к лежащему без движения Джону.

– Джонни, – залепетала она, – я знала, что эти глупости плохо кончатся! Джон!

Ладошками она повернула к себе бледное лицо Джона, на сухих губах которого начала расплзаться улыбка.

– Дурак!

Джон перекатился на бок, согнулся, засмеялся и заохал сквозь кашель. Джессика, расстроенная, отвернулась.

– Ох, рёбра мои, рёбра, – хрипел Джон, – тебе можно было тараном работать в древнем Риме!

– Кем? – не оборачиваясь, тихо спросила Джессика.

– Тараном – бревном, которым ломали ворота крепостей.

– Дурак!

Джон откашлялся, сел на землю и обнял девушку со спины, навалившись на неё и поднеся губы к самой шее.

– Любимая! – зашептал он. – Дай мне последний шанс! Позволь быть твоим рыцарем на сегодняшнем выпускном балу. Я обещаю, что на целые сутки забуду про компьютеры, и кроме тебя не будет в моей жизни ничего.

Джессика молча слушала. Затем развернулась и обняла своего мальчишку. Они сидели на земле и молчали какие-то минуты.

– Но это последний шанс, Джон.

Тот жмурился, утопая лицом в её волосах. Они начали одновременно вставать, помогая друг другу.

– Ну насчёт «суток» я, конечно, со значительным запасом анонсировал...

Джессика хлопнула того по груди открытой ладонью. Джон снова согнулся и засмеялся, защищаясь от побоев Джесс. Наконец девушка успокоилась и заговорила серьёзно.

– Я полюбила тебя за твою гениальность и волшебство твоих идей, но всю жизнь чувствовать себя одинокой, ненужной – это слишком. Последний шанс, Джон! Ровно в восемнадцать у входа в актовый зал. Опоздаешь на минуту, и я пойду одна.

– Одной нельзя.

– Тогда я пойду с кем-нибудь другим.

Джон растерянно смотрел в глаза Джессики.

– Я не чувствую связи между нами, Джон, слышишь? Между людьми должна быть связь, а между нами её нет.

Она стояла перед ним – очаровательная и строгая. Джон кивнул:

– Я налажу связь, Джесс. Обещаю.

Они нежно распрощались, и Джон отправился к себе. До шести вечера было ещё достаточно времени, чтобы успеть сделать для Джесс нечто особенное, что обязательно вновь очарует её сердце, как в день знакомства – первый день встречи студентов почётно физического факультета Королевского колледжа Оксфордского университета.

UKFDF 11

Джон возвращался по небольшой уютной улочке Корнмаркет, окружённой старинными четырёх-пятиэтажными домишками из бежевого и коричневого камня да кирпича.

Миновав квадратную, как шкаф, башню Святого Михаила, Джон поравнялся с небольшим кладбищем, которое всегда, даже в солнечный день, наводило тоску и трепет одновременно. Оно было древним, как сама Англия. Покосившиеся в разные стороны кресты, пожелтевшие и почерневшие надгробные камни местами поросли мхом и были присыпаны серыми мёртвыми листьями даже летом. Тут и там клочками торчала трава, а огромный зловещий клён не позволял солнечному свету коснуться могил.

Это кладбище принадлежало церкви Святой Марии Магдалины – небольшому, но удивительно таинственному старинному храму, возведённому из коричневого с серым булыжника, потемневшего за тысячу лет. Здание церкви немного выступало на тротуар своей высокой бледно-жёлтой башней с механическими часами. Если встать строго перед ней и осмотреть её с улицы, то видны три одинаковых огромных флорентийских окна в полтора человеческих роста: стрельчатые, квадратные внизу и плавно сужающиеся кверху, вписанные в три несочетающиеся, но граничащие друг с другом стены. Снаружи храм выглядел собранным из разных, чужеродных кусков.

Поглощённый мыслями, Джон ковылял мимо, когда вдруг заметил у входа в церковь завалившегося набок и барахтающегося в своей беспомощности Патрика – инвалида-колясочника, ровесника Джона, Джессики и Пита. Он служил тут, в церковном магазинчике: делал и продавал свечи да помогал по хозяйству. Это был плечистый, сильный молодой мужчина. Всегда гладко выбритый и аккуратно стриженный, с благородными бровями и глубоко посаженными серыми глазами, в которых читались и смелость, и усталость. Если бы не коляска, Патрик вполне сошёл бы за регбиста или рок-музыканта.

Он сидел на земле, подмяв под себя болезненно-тощие безжизненные ноги, и хватался огромными мощными ручищами за чёрную изгородь, обрамлявшую жуткое кладбище острыми пиками.

Джон понёсся к Патрику.

– Я тут, дружище! – прорычал он на ходу.

Он дёрнул на себя коляску, которая застряла колесом в трещине меж камней мостовой, и, подхватив Патрика двумя руками, хрипя, потащил его на застланное пледом сиденье. Дверь церкви с треском распахнулась, и из-за неё показался настоятель – отец Ян – пожилой мужчина с седыми редкими волосами и пронзительными глазами. Его губы всегда, в любой ситуации были сложены в необычную скупую улыбку. Из-за этой удивительной улыбки казалось, будто он ведаёт что-то, чего не знают обычные смертные.

Ян схватил Патрика с другой стороны и начал помогать усаживать на коляску, которая, как назло, укатывалась, норовила выскользнуть из-под обессиленного молодого человека.

Наконец коляска успокоилась, и Патрика водрузили на сиденье. «Всё хорошо», – приговаривал Джон, убрав с волос друга привязавшийся лист и осмотрев его порванную одежду. Тот был одет в чёрное самодельное платье, напоминающее рясу, из-под которого торчал белый накрахмаленный воротничок. Лицо Патрика было растерянным и выражало тяжёлое, болез-

ненное смущение – такое, каким смотрит беззащитный человек, которому нечем отплатить за помощь.

– Всё хорошо, Пат! Я рядом! – старался заразить его уверенностью Джон, пока придерживал входную дверь.

– Спасибо тебе! – процедил Ян, заталкивая коляску с Патриком в храм.

Внутри было темно и холодно. Даже в жару каменные глыбы, из которых сложен храм, источали мрачность и встревоженность. Стук каблучков Яна и скрежет колёс Патрика раздавались отчётливо и резко, отражаясь от грязно-серых храмовых стен и собираясь в единый гул где-то под сводами. Колонны, разделяющие пространство на несколько объёмных частей, уходили под потолок, превращаясь в гигантские, грузно нависающие проёмы, облицованные изнутри суровым серым орнаментом. Здесь пахло воском и сыростью, а пол скрывал великие тайны, многие из которых уже никогда не будут разгаданы.

Джон, в ужасе, остолбеневший, стоял в животе у жуткого каменного монстра, а перед его глазами вспыхивала и разгоралась невероятная, ошеломляющая картина. У стены напротив – у самого алтаря – сквозь гигантские витражи били и переливались тысячи ярких лучей-струн. Здесь были все цвета – от голубых до золотистых, от кровавых до изумрудных. Короткие острые лучи, словно иглы, торчали из огромных окон и прошивали насквозь мрачное нутро каменного чудовища. И казались они такими объёмными, такими твёрдыми и вместе с тем подвижными, и обрывались все, как одна, где-то на середине своего пути.

Да, Джон бывал здесь часто, но ни разу в первой половине дня и ни разу в солнечную погоду.

Обойдя лучи со всех сторон и попытавшись к ним прикоснуться, он съёжился и вздрогнул: твёрдые иглы, сквозь которые проходит мерцающая, звенящая пыль, – волшебство!

– Тебе нужно чаще заходить сюда днём, – разбудил его низкий тёплый голос.

– Зачем? Чтобы ещё раз убедиться, что Бога нет? – съязвил Джон.

– Ну а разве лучи, которые ты пытался потрогать, – не ладонь Божья, тебе протянутая?

– Это физика, Ян. Обычная физика.

– Неужто ты скорее поверишь, что весь наш мир – обычная физика? Что всё, что нас окружает, – образовалось случайно?

Между ними чувствовалось напряжение, какое бывает между сыном и отцом. Джон развернулся лицом к Яну, стоявшему между рядами красно-коричневых скамей для прихожан, и пристально, вызываясь посмотреть на того.

– Я скорее поверил бы в Бога, ежели тот не допустил бы войны, в которой погибли мои родные. Я скорее поверил бы в Бога, если тот не подарил бы моей тётке рак, с которым она боролась несколько лет и в схватке с которым не победила. Почему, Ян, многие великие умы проводят всю жизнь в нищете, тогда как непроходимые тупицы зарабатывают состояния из ничего? Почему, когда путешествуешь с друзьями на автомобиле, вашу поездку сопровождают тела сбитых животных? Бог что, не любит енотов? Или кошек? Почему он так несправедлив? Зачем он создал этот мир, чтобы бесконечно издеваться над собственными детьми? Он садист?!

Улыбка почти полностью исчезла с лица Яна. Джон сделал шаг вперёд и наставил на того палец, словно нож.

– Когда я был маленьким, меня волновал один и тот же вопрос. Ян, ответьте, излечите меня от непонимания этого чудовищно несправедливого мира: Бог знает наперёд всё, что я подумаю и сделаю, так?

Ян опасливо кивнул.

– Тогда почему за грехи наказывают МЕНЯ?! Ведь он наперёд знает, что я буду делать, каждое моё деяние. Так зачем же он ждёт, пока я согрешу, а потом меня за это наказывает? И зачем он учит меня не грешить, хотя знает, что я оступлюсь? И дату, и время, и причину

знает! Зачем разыгрывать это шоу, если грехи каждого из нас: и мои, и ваши – запрограммированы заранее? Что это за эксперимент? А, Ян? Почему Бог так несправедлив?!

Лицо Яна было серьёзным и растерянным. Джон постоял в ожидании ответа ещё несколько секунд, а потом осёкся и опустил руку:

– Простите, Ян, вы тут ни при чём... Этот вопрос адресован не к вам, к Богу, – он поднял голову вверх. – Что это за игра такая, в которую все проигрывают и от которой столько боли?

Из-под сводов потолка эти слова глухо накатывались волнами эха.

– Бог справедлив, – вкрадчиво заговорил Ян, – он воздаёт каждому по заслугам. Если в сердце твоём – честно, то и Бог с тобой будет честен...

– По заслугам? – взорвался Джон, – а чем Патрик такое заслужил?!

В животе гигантского монстра маленький Джон свирепо глазел на маленького Яна, указывая дрожащим от напряжения пальцем на маленького Патрика, который сидел в своей коляске в самом тёмном углу и ошарашенно глядел то на одного, то на другого.

Джон обмяк, махнул рукой и, тяжело дыша от волнения, под пристальным взглядом Яна и Патрика отправился к глиняному графину с водой. Там он налил себе холодной воды и, делая то глубокие вздохи, то большие глотки, закусил губы от досады.

– Прости меня, Патрик. Прости, дружище... – он виновато поднял глаза. – Не могу я спокойно смотреть на то, что «Бог» творит с тобой и со всеми нами... Не терплю несправедливость...

Он ссутулился немного, потёр нос.

– В физике всё честно, в математике всё честно, в компьютерной логике всё честно – машина сделает всё, что ей предписано делать, и не обманет, не подведёт. В компьютерах, которые придумал человек, результат будет честным и никаким иным. А в жизни, которую придумал Бог, всё несправедливо... И я Его не понимаю... – он опустил глаза в пол, – а, стало быть, и не принимаю Его тоже...

Джон налил ещё один стакан воды. Патрик, так и не проронивший до сих пор ни слова, задумчиво разглаживал ладонями на себе самодельную рясу. Ян, погружённый в тяжёлые размышления, медленно брёл к алтарю. Повисла грузная, зудящая тишина. Джон ёжился и переминался с ноги на ногу. Ян развернулся вполборота:

– Возможно, ты и прав. У меня нет ответов на вопросы твои... Но я знаю одну истину: Создатель никогда не обидит высшую форму жизни на Земле – своих сынов – и всегда будет защищать и оберегать её.

В груди стало совершенно невыносимо. Хотелось забрать все слова обратно, но не было сил даже глаза поднять.

– Я, действительно, полагаю, что ты прав в чём-то, Джон... Ты умный и нежелающий мириться с действительностью мальчик, совершенно не умеющий соглашаться на неправду. Надеюсь, это свойство не помешает твоему счастью.

Он перевёл взгляд на Патрика, который, слегка наклонив голову, молча глядел в пустоту перед собой.

– Ты ещё здесь, Джон? Побудешь пять минут? – нетвёрдо спросил Ян.

– Да.

– Я пойду провожу Патрика на автобус домой и сразу назад.

– Так давайте я! – показала возможность хотя бы чуть-чуть загладить свою вину.

Ян вздохнул и после паузы ответил:

– Давайте.

Затем он заглянул в лицо Патрику:

– В туалет пойдёшь? Помочь тебе?

Тот, не поднимая глаз, кивнул.

UKFDF 100

Остановка находилась метрах в трёхстах от церкви. Джон молча катил Патрика по мощёной мостовой, шурясь под яростными солнечными лучами. Противоречивые чувства обиды и вины не оставляли в покое. Он пересёк очередной перекрёсток, неуклюже долбанув коляску и при спуске с бордюра, и при подъёме на следующий. Теперь Джон заметил, что идёт в носке, и ступню начало натирать.

На другой стороне пустынной пыльной улицы показалась остановка. Они пересекли дорогу и встали на самом солнцепёке.

Через пару минут из-за угла появился старый унылый автобус с грустным лицом и облупившейся бледно-зелёной краской по бокам.

«Так... как тебя?..» – с трудом подхватив Патрика на руки, Джон потащил его к двери дребезжащего и кашляющего автобуса.

Ударив друга, пожалуй, обо все углы и невольно согнав какую-то бабушку с передних сидений, он уронил того на потрескавшееся тёмно-коричневое кресло и, потеряв равновесие, завалился сверху. Чертыхаясь, достал из-под Патрика руку, когда автобус почти тронулся.

– Эй, подождите! – закричал Джон, – Ещё кресло!

– Что, весь день будешь теперь возиться? А ну поднажми! – заскрипел толстый, пропитанный потом водитель, резко наступив на педаль тормоза так, что Джона откинуло вперёд, и он едва ухватился за поручень.

– Поаккуратнее нельзя? – обозлился он. – Тут вообще-то люди!

– Давай шевелись, малой! Не выводи меня!

Джон выскочил на остановку и попытался сложить коляску, чтобы та проходила в двери. Присев на колено, он пытался разглядеть под креслом механизм, нервно дёргая за все ручки, которые удавалось нащупать. На одном из колёс проволокой был приделан деревянный крест, на крыле которого выжигательным аппаратом начертано: «Найди то, что любишь». И чуть ниже в углу едва заметно: «Мама».

– И ещё... это... я его доставать не буду! – злился водитель, – не за мою зарплату, малой! Так что поедешь с ним и сам его стащишь, если не хочешь, чтобы он кругами катался до ночи.

Под градом воплей никак не получалось сконцентрироваться и сложить кресло. Наконец оно поддалось и щёлкнув упало набок на мостовую.

– У него ещё руки из зада растут! – не унимался тот.

– Эй! Эй! Откуда столько злости?! – поднял голос Джон. – У вас сердце есть?

– Не учи меня жить, ты! Ну-ка быстро в автобус или жди своего друга через час, когда я сделаю круг.

Едва Джон, сгибаясь под тяжестью коляски, заскочил в двери, как те со скрипом захлопнулись, и автобус прыгнул с места. Бабушки закудахтали, но их возмущение тут же проглотил рёв мотора. Так хотелось развернуться да врезать водителю хорошенько, но смелости не хватало.

Джон неловко плюхнулся на сиденье рядом с Патриком и раздосадованный хлопнул кулаком по коляске, которая уже оставила на его коже несколько синяков и глубоких царапин. Занудное, ровное, иногда захлёбывающееся на ямах гудение мотора и скрип пружин в дерматиновых сиденьях раздражали и не давали сосредоточиться. Автобус нёсся, будто опаздывал на роды, будто хотел влететь в какой-нибудь грузовик и смять в лепёшку всех своих пассажиров. Джон ещё раз с яростью посмотрел на водителя. Тот, казалось, пытался убежать от чего-то, или, наоборот, кого-то догнать.

– У него жена с дочкой разбились в автоаварии пару месяцев назад, – прямо на ухо прозвучал сдавленный, тихий голос в первый раз заговорившего сегодня Патрика.

Вся дорога занимала минут тридцать, за которые Джон вымок до нитки в этой духоте. Кряхтя и чертыхаясь, он выволок Патрика и усадил его в расставленное кресло. До того, как зелёный автобус развернётся на кольце и вновь проедет эту улицу по направлению в Оксфорд, оставалось пятнадцать минут. А большие часы на одной из башен показывали без десяти пять – до выпускного было ещё предостаточно времени. Распрощавшись с Патриком, который жил в родительском доме совсем недалеко от остановки, Джон осмотрелся.

Город Абингдон был маленьким даже по меркам Оксфорда. Располагался он всего в десяти километрах южнее, однако раньше Джону здесь бывать не приходилось. Городок своими коричневыми деревянными карликовыми домишками с белой окантовкой и окнами из множества квадратных секций скорее напоминал датскую деревню, нежели современную Англию.

На улицах не было ни души, и лишь редкие автомобили медленно, вдумчиво проезжали мимо, рёвом разрывая тишину природы. Не хотелось далеко отходить от остановки и поэтому Джон гулял где-то рядом: сворачивал в очередной переулок, а потом разворачивался и возвращался обратно.

Внимание привлекла вывеска «Abingdon Computers», висевшая над большим витражным окном в глубине одной из улиц. Джон толкнул дверь, прозвенел колокольчик, и перед взором открылась небольшая квадратная комната метров пять на пять, с пола до потолка заставленная старинной техникой, подержанными корпусами системных блоков, из которых свисали кабели и шлейфы, да несколькими мониторами и осциллографами. Посередине, спиной к входной двери, сидел мужчина средних лет, с широкой проплешиной на голове, в светло-голубой рубашке с закатанными рукавами и мокрыми подмышками.

На звон колокольчика он не обернулся, а продолжал что-то настукивать на чёрной затёртой клавиатуре, лежавшей перед ним. Джон заглянул тому через плечо, но понять по небольшому отрывку программного кода, над чем именно тот работает, было невозможно.

В приделанный к стене кусок поролона ножками были воткнуты разнообразные процессоры. Джон подошёл поближе и начал разглядывать. Тут был и процессор, на базе которого он только что собрал свой первый персональный компьютер – коричнево-сиреневый Motorola M6800 на керамической основе с двумя рядами позолоченных контактов по обе стороны. И даже, – «Ух ты!», – новёхонький Intel 8085 в тёмно-сером корпусе с серебристыми ножками и поддержкой некоторых шестнадцатибитных операций!

– Восемьдесят пятый «Интел» запеленговали? – прозвучал гнусавый тонкий голос. – Единственный на весь Абингдон!

– Вещь! – не отвлекаясь закивал Джон.

– Ага! С поддержкой некоторых шестнадцатибитных операций! Сто пятьдесят фунтов, если с полным набором чипов. Если только процессор, тогда забирайте за шестьдесят.

– Ох!.. Сто пятьдесят пока дороговато для меня...

– Ну да, игрушка не из дешёвых.

Пухлые пальцы показались из-за головы, почесали лысину и спрятались снова.

– А что вы делаете? – высунулся из-за плеча Джон и уставился в монитор.

– Бага отлавливаю...

– Бага?

– Ошибку в программном коде.

– А откуда она там?

Лысина повернулась, и с её обратной стороны показались огромные очки в роговой оправе и недоуменная кривая улыбка. Мужчина осмотрел Джона и отвернулся:

– Я же сам её туда и занёс, само собой.

Джон набрал в грудь воздуха, но не успел задать вопрос.

– Вот вам загадка, господин неожиданный молодой посетитель: вы заметили, в любых программных кодах есть ошибки? Откуда они там берутся?

– Ну, – ответ казался очевидным, – люди их туда заносят.

– Правильно. Почему?

– Ну людям свойственно ошибаться, наверное...

– Допустим... А компьютерам свойственно ошибаться?

– Нет, компьютеры не ошибаются! – заулыбался Джон, – на то им и нужна «компьютерная логика»!

– Но компьютеры, в чью логику занесена ошибка, будут ошибаться?

– Стало быть, будут...

– Значит, свойственно компьютерам ошибаться?

Джон зачесал в затылке. Идея надёжности и безошибочности компьютеров сразу стала не такой надёжной и безошибочной, как казалось ещё минуту назад.

– А если сам компьютер напишет программу для другого компьютера?

– Такого не бывает! – закачал головой Джон.

– Ох и бывает! Будет ли программа без ошибок, если её напишет компьютер?..

Джон задумался.

– Это, – вкрадчиво сказал Джон, – зависит от того, кто написал программу, которая пишет программу. Если человек, то в ней есть ошибка, и тогда она напишет новую программу с ошибкой.

Лысина повернулась. Продавец улыбался, сияя широко посаженными зубами. А глаза его казались особенно большими сквозь толстые стёкла очков.

– Уловил? Багы будут всегда, вечно! Потому что первый код написал человек! А человеку, как ты правильно заметил, неожиданный молодой посетитель, свойственно ошибаться! И эта изначальная ошибка будет тиражироваться до конца божьих дней!

Вдохновлённая своим открытием лысина отвернулась.

– Также, как и ошибка передалась от отца к сыну, от прадеда к отцу, а от Адама к прадеду. Где-то изначальна она завелась, кто-то её занёс, и теперь она... – на улице скрипнули и пшикнули тормоза... – ...путешествует в наших программах: компьютерных и человеческих...

Где-то позади судорожно брякнул колокольчик. Джон выскочил на дорогу и понёсся к автобусу, который стоял с открытыми дверями в конце короткой, словно игрушечной улицы.

К счастью, толстый водитель увидел его через грязное, засаленное боковое стекло. Джон немного успокоился, но всё равно, не сбавляя темпа, вприпрыжку нёсся к открытым грустно-зелёным дверям.

И вдруг всего в каких-то пятнадцати метрах от семенящего Джона двери заскрипели, задрыгались, и автобус сдвинулся с места.

– Нет! Погодите! Вы что?! – в сердцах хлопнул наотмашь по боковине уезжающего автобуса Джон. – Я же уже здесь!..

Лопоча сношенными крышками, зелёный автобус спрыгнул с булыжной мостовой на сухой, песчаный гравий и скрылся в клубах бледно-жёлтой пыли. Это была катастрофа.

UKFDF 101

ВЗРЫВ прогремел столь сильный, что под ногами затряслась Земля. Сотни женских голосов завизжали и захрипели, постепенно переходя в улюлюканье и залихватистый смех. Очередная вспышка бухнула в небе и рассыпалась на шар ярких зелёных огней, которые плавно сползли за крышу Музея естественной истории. Ещё один взрыв, ещё один толчок земной

коры, взвизги, крики, смех. И вот уже всё глубокое тёмно-тёмно-синее небо запестрило салютами самых разных цветов.

Накрапывал дождик. Несколько парней и девчонок, укрываясь снятым с кого-то пиджаком, с гиканьем выпустили в небо стаю воздушных шариков. Те сперва ринулись вверх, но тут же, подбитые дождём, убавили скорость, затанцевали, задрожали и косо, словно раненые, потянулись в сторону, не поднимаясь выше второго этажа. Парни и девушки загоготали и разорались громче водосточков: «У-у-у! Физфак! Выпуск семьдесят шесть!».

Хромая, в изодранном носке и вывернутой наизнанку вымокшей рубахе, со стороны главных ворот Джон шагал без разбора прямо по газону. На лестнице толпились девчонки в мятых узких платьях и с поехавшими пышными причёсками на головах. Заметив Джона, они запрыгали, замахали руками и закричали, скрепя по ушам, одна резче другой:

– Джон! Джонно-о-о! Где ты был?!

Тот скованно улыбнулся, и, протянув к ним руку, хотел пройти мимо, но девчонки обхватили его, заобнимали и долго не хотели отпускать. Наконец, вырвавшись, смущённый, он взбежал по ступенькам и попал в длинный коридор, ведущий в актовый зал.

Там было темно и очень шумно. Некоторые из сокурсников были разодеты и разукрашены столь яростно, что их невозможно было узнать. С кем-то Джон здоровался, с кем-то обнимался.

– Ты куда пропал?! Ты же всё пропустил! – залепетал кучерявый парень в чёрном смокинге со спущенным галстуком. Из-под его расстёгнутой рубахи виднелась кожа.

Джон кивал, протискивался мимо, улыбался, хлопал в ответ по плечу и принимал объятия. Кто-то подсунул в руку чайную чашку с шампанским. Под ногами валялись бумажки, бутылки и даже чья-то мантия.

Прижимая наполовину расплескавшуюся чашку к груди, Джон пролез между людьми, ненамеренно растолкав страстно обнимавшуюся пару. Гремели «Битлз», а на их фоне сотрясали стены чьи-то вопли в микрофон. Впереди показалась дверь, за которой мелькал свет и через которую одновременно пыталась войти и выйти толпа студентов. Давка была кошмарная.

Джон пристроился за тошей, долговязой девчонкой и медленными шагами, раскачиваясь вместе с потоком, пёр вперёд: в двери. Кто-то больно наступил на пальцы ноги в изодранном носке. Джон сморщился, но лишь крепче прижал пустую чашку и продолжал движение.

Девчонка, что шла рядом, молниеносно начала строить глазки какому-то рябому парню из встречного потока и тут же коршуном накинута на него, зацеловывая, как в последний раз. Джон медленно проталкивался мимо неожиданной преграды: ребята остановились ровно в дверном проёме – в самой узкой части, и девчонка пыталась схватить руку рябого парня и водрузить её себе на талию. Улыбка сама поползла по лицу при виде этой картины. Он продолжал пробираться, потеряв в давке пуговицу с рубахи.

Рёв музыки нарастал, безумие, мерцание света, сутолока в дверном проёме – всё это погружало в странное пограничное состояние: одновременно и онемения, и острых чувств. Что-то резануло по руке – от кисти до локтя. Джон сжался, сморщился, схватился за предплечье и провалился в зал.

Огромное помещение с десятиметровыми потолками тонуло в темноте, и лишь ритмичные вспышки стробоскопа, словно фотографии, вырывали из мрака угловатые застывшие танцующие тела. Множество молодых людей и девушек смеялись, перекрикивали друг друга, поднимали бокалы и обнимались. А справа в глубине зала выпускники толпились вокруг сцены, наблюдая за модно стриженным парнем без пиджака и с развязанной бабочкой на шее. Он держал в одной руке бокал, а второй вцепился в микрофон на стойке. Тусклое пятно жёлтого света освещало сцену и парня со спины так, что его лицо оставалось в тени, а прожектор бил прямо в глаза зрителям. Тот вскинул руки и расплескал содержимое бокала:

– ...И ещё! Всё, всё, уже валю... Я хочу, чтобы мы никогда не расставались! Неважно, куда нас разбросает жизнь, надо собираться, ну раз в месяц хотя бы, и...

– Да-а-а! – поддержал его весь зал.

– ...И быть вместе! Потому что нет нас у нас дороже!..

Кто-то схватил парня за рукав и начал оттаскивать от микрофона, музыка заиграла громче. Тот рванулся обратно и крикнул вдогонку:

– Выпуск семьдесят шестого, я люблю ва...

– Е-е-е! – завопил зал.

Джон смотрел по сторонам, шурился в темноте и никого не узнавал. И его тоже никто не замечал в этом безумии.

– Следующий, давай! – орали у сцены.

Джон двинулся в глубину зала, как вдруг услышал что-то родное. Обернулся.

– Друзья, вы знаете, вы все у меня здесь...

На сцене стояла Джессика и держала руку на сердце. Хрупкая, в тяжёлом свете тусклого прожектора она выглядела такой маленькой и смелой, ранимой и волшебной. Для неё даже музыку совсем приглушили.

– ...И я буду всех вас хранить тут, – дрожал её взволнованный голос. – И я хочу, чтобы каждый из нас был любимым и чувствовал связь. Потому что между нами всеми есть настоящая человеческая связь. Вы только её почувствуйте всё время и будьте любимы. Я вас люблю, друзья!

– Да, Джесс, мы любим тебя! – выкрикнул кто-то.

Джон начал пробиваться к сцене сквозь плотную толпу.

– И ещё вот что, – продолжила она, на её глазах выступили слезы, – даже если вас бросили в самый важный для вас момент, не отчаивайтесь. Вспомните своих родных, вспомните своих друзей – вы не один! У вас есть мы...

– Джесс! – Джон забрался на высокую метровую сцену прямо из толпы, – Джесс, прости меня...

Девушка сразу остановилась, её лицо покраснело.

– Я знаю, – он повернулся к толпе и продолжил говорить прямо так: без микрофона, отчего слова терялись за грохотом музыки, – я не заслуживаю прощения, но простите меня все. Джесс!

Девушка стояла в слезах, её лицо выражало ярость и гордость. Джон сделал шаг к ней:

– Я был в Абингдоне. Хотя, какая разница, где я был? Важно, где я не был...

Он распротёр руки и пошёл навстречу малышке Джесс, занявшей воинствующую позу. Выпускники столпились у самой сцены, музыка клекотала, а стробоскоп сверкал так, что глаза ничего не могли разобрать, неспособные привыкнуть ни к темени, ни к вспышкам. Джон, лопоча что-то неразборчивое, попытался обнять Джессику, как та внезапно взорвалась и толкнула его изо всех сил в грудь. Ошарашенный, ослепший, он попятился и, сорвавшись, полетел с края сцены.

Холодный пот прошиб шею и плечи. Кожа мгновенно стала мокрой от жуткого чувства потери равновесия. За спиной взревел дикий крик, издаваемый сотней девушек и парней, и Джон обрушился на головы своих сокурсников.

Шатаясь, подхватывая и передавая из рук в руки, его положили на пол у самых ног.

– Джон! – протягивал руку Питер.

Толпа, подавляемая задними рядами, с треском расступалась и, обнажив небольшой пятачок перед сценой, замерла в ожидании. Музыка заглохла, остался только ровный тяжёлый гомон.

Не приходя в себя, Джон с трудом встал, держась ладонью за разбитый затылок, и бросил взгляд на сцену. На опустевшей сцене оставался лишь микрофон. Джессика, гневная и оскорблённая, спускалась по ступенькам в дальнем углу.

– Джесс! – выкрикнул он.

– Ненавижу тебя! – рычала зарёванная Джессика, расталкивая толпу своими хрупкими ручонками. – Я всегда, всегда чувствовала себя одинокой! Никогда тебя не было рядом! Всё твои долбанные компьютеры...

– Джесс! – на глазах навернулись слёзы.

Тут неожиданно девушка остановилась, развернулась и направилась к нему, разъярённо распахивая людей перед собой. Толпа расступалась, насколько могла. С каждым её шагом Джон всё сильнее сутулился и невольно пятился. Наконец она вырвалась из окружения и осталась с ним один на один – дрожащим от волнения и страха.

Джессика, миниатюрная, вся в слезах, подошла твёрдой поступью и замахнулась. Джон зажмурился и немного отвернулся. Она стояла с открытой ладонью, занесённой над головой, вся в слезах, струящихся поверх чёрных полосок туши на щеках, с полным обиды и непонимания лицом. Зал молчал. В тишине отрывистым эхом зазвучали слова:

– Я не хочу тебя больше знать, Джон Уэйнрайт...

Он открыл глаза и растерянно посмотрел на девушку. Та убрала руку.

– Иди ты к чёрту... – она стиснула от ненависти зубы.

Девушка решительно развернулась и зашагала сквозь окружающее молчание прочь. Потрясённая толпа покорно расступалась перед ней, оставляя узкую тропинку.

Опустив руки в карманы брюк, Джессика задумчиво брела к выходу, качая головой от горечи и разочарования. Слёзы и тушь на её лице образовали корку, брови были сдвинуты. Девушка подошла к дверям, ведущим вон.

– Джессика? – на весь зал нетвёрдо прозвучало раскатистое эхо.

Джон, мокрый, стоял у микрофона и дрожал.

– Я до сих пор не могу поверить, что все эти годы ты была со мной... Даже когда я не был с тобой...

Джессика остановилась и прислушалась, не поднимая глаз.

– Я до сих пор не могу поверить, что такая восхитительная девушка, как ты, выбрала меня и любила меня всё это время, даже в самые трудные времена...

Он достал из кармана небольшой кусочек припойной проволоки, которая по обыкновению там болталась.

– И я знаю, я глупый и слабый... И я наделал кучу ошибок... Но сегодня, наверное, единственный день, когда я не хочу быть глупым и слабым настолько, чтобы совершить ошибку, о которой буду жалеть всю свою жизнь – отпустить тебя...

Джессика повернулась и взглянула на сцену. Трясаясь, в одном носке и одном тапке, с царапиной через всю руку, с окровавленным затылком и шеей, весь в слезах, медленно сползал на одно колено Джон.

– Джессика Бигелу... моя любимая... – сквозь слёзы и дрожь говорил он уже мимо микрофона, – я прошу тебя связать со мной свою жизнь...

Джон стащил с мизинца накрученную проволоку и выставил её перед собой.

– Ты согласна стать моей женой?

Зазвенела тишина. Джессика глядела своими огромными серо-зелёными растерянными глазами и боялась сделать вдох. Было слышно её сердце. Сотни людей смотрели прямо на неё, и никто не смел проронить ни слова.

Её колотило от напряжения, словно она пыталась сдержать какой-то вулкан, который накалялся внутри. Девушка всхлипнула, сдавила подступивший к горлу ком и крепко зажала ладонями губы.

– Да... – закивала она.

Толпа взорвалась, а вместе с ней слёзы брызнули из глаз Джесс. Она схватилась за лицо и начала иступлённо рыдать, не сводя глаз с Джона, который стоял на сцене на одном колене

и протягивал ей кольцо из оловянной проволоки для спайки электронных плат и радиодеталей в единое целое.

– Да! – вырвался дикий вопль из хрупкой груди Джессики, и та бросилась в самую гущу, расталкивая народ и пробираясь к сцене.

Взгремела музыка, толпа взорвалась! Давка началась страшная. Все вокруг орали и неистовствовали. Кто-то пытался обнять Джессику, кто-то, напротив, подталкивал её к сцене.

Джон вскочил с колена и побежал навстречу, но вдруг нога подвернулась, и он обрушился на людей. Тапок вылетел и, кружась, как вертолёт, отскочил куда-то в сторону.

Руки понесли Джона, а Джесс пробиралась там – в толпе, с треском врезаясь в новые волны людей и распахивая их локтями. Он, беспомощно качаясь на ладонях студентов и видя свою возлюбленную всего в нескольких шагах, пытался грести, отталкиваясь от моря, по поверхности которого плыл.

Наконец он рванулся из последних сил и вцепился кончиками пальцев в вытянутую к нему руку Джессики. Они схватились друг за друга, пока море мощными волнами пыталось разорвать их соприкосновение на две отдельные части. Но это было невозможно. Неуклюже Джон сполз вниз головой в объятия Джессики. Она и все студенты пытались поднять его, перевернуть, пока, наконец, его лицо не оказалось прямо перед Джесс. Та держалась за волосы и рубаху, крепко стискивая кулачки, а он, нависнув над девушкой всем телом, бережно обхватывал её за талию.

И все вокруг пытались обнять их, потрепать по волосам, подёргать за уши и носы. Сотрясаемая, раскачиваемая толпой пара, оглушённая, стояла в глубине моря. А два оголтело коло-
тающихся друг о друга сердца загонялись от безумия в самой середине этого чуда.

И Джесс рыдала и ревела уже без слёз, а избитый, измученный, исцарапанный и истерзанный Джон, шатаясь из стороны в сторону, сдавливал свою малышку Джесс и хрипел ей на ухо:

– Я никогда больше тебя не отпущу, любимая! Мы всегда будем вместе!.. Всегда!.. Всегда будем только вместе!..

UKFDF 110

В комнатке было бесцветно и душно. На фоне ровного, нудного гудения вентилятора в системном блоке время от времени раздавались звучные щелчки тяжёлых клавиш клавиатуры. Бледный холодно-синий мерцающий свет кинескопа тускло озарял сутулую фигуру сидящего перед ним мужчины в чёрной футболке. Его короткая лысеющая шевелюра была взъерошена, уставшие поблекнувшие глаза, обрамлённые тяжёлыми синяками, сквозь боль вглядывались в экран, а пальцы подрагивали от напряжения и вместе с тем от многочасового бездействия.

Наконец Джон надавил на круглую кнопку выключателя, расположенную на массивном серо-грязно-жёлтом системном блоке, откинулся на спинку стула и взялся за переносицу, с усилием потерев веки. Вентилятор заглох, монитор погас, комната погрузилась во мрак и тишину. Джон тяжело вздохнул.

Сил на то, чтобы разогнуть спину, не было. Голова гудела, глаза едва улавливали свет. Он с трудом выдвинулся из-за стола и, раскачиваясь из стороны в сторону, придерживаясь за дверные проёмы, направился в ванную.

Из задрезавшего крана хлынула холодная вода и обдала брызгами сухую раковину. Джон набрал полные ладони воды и погрузил в них лицо. Затем, постояв так некоторое время, взглянул в зеркало. Потемневшими от усталости глазами оттуда смотрел сторбленный некрепкий мужчина, с лёгкой горькой улыбкой на сжатых губах и высохшей белёсой кожей на лице,

полном смятения. Джон пригляделся и заметил седеющие волосы возле виска. Он поспешно отвернулся и выключил в ванной комнате свет.

В спальне на самом краю большой кровати, обхватывая себя руками, лежала хрупкая женщина. Разочарование и сожаление глубокими морщинами въелось в милые, лёгкие черты её детского лица.

Джон стоял в дверном проёме и наблюдал за её ровным дыханием, за качанием плечика, за младенческой позой свёрнутого в калачик тела. Он тихо подошёл к кровати и сутуло сел на край, к ней спиной. Затем стащил с пальца обручальное кольцо, положил его на тумбочку, рядом положил наручные часы и неловко закинул ноги на кровать, накрывшись отдельным одеялом.

Лежа на самом краю кровати, он смотрел в потолок какое-то время, а затем отвернулся. Джессика закрыла глаза и абсолютно беззвучно зарыдала.

UKFDF 111

Джон приоткрыл глаза и полежал так какое-то время, а затем посмотрел на Джессику. Тусклый белёсый луч рассветного солнца словно лезвием разрезал пустую смятую подушку. Джон зажмурился и потёр веки костяшками пальцев.

Шатаясь под тяжестью сна, он проковылял в ванную комнату, ополоснул лицо и, миновав кухню, направился прямо в свой кабинет. Единственное окно в этой маленькой комнатке было наглухо закрыто занавеской, а небольшой шкаф гнулся под толстыми справочниками, и в общем-то в комнате больше ничего не было, кроме самого главного: в центре, на рабочем столе, словно жемчужина в раковине, красовалось чудо техники – ультрасовременный персональный компьютер.

Каждый раз при взгляде на него просыпались эти неповторимые чувства: как у ребенка, впервые увидевшего телевизор, словно в коробке живёт безграничный, фантастический мир – целая вселенная, которую можно созерцать сквозь небольшое оконце кинескопа.

Выполненный из шероховатого светло-серого пластика, узкий корпус системного блока располагался горизонтально на столе. На передней панели красовались и трёх, и пятидюймовые дисководы для флоппи-дисков. Они позволяли переносить данные с одного компьютера на другой, благодаря чему люди могли обмениваться программами и документами. Один флоппи-диск – это сразу 1,44Мб перезаписываемой памяти – целые книги можно было передавать друг другу с помощью этих миниатюрных пластиковых пластин. Поверх системного блока на круглой ножке стоял монитор, который своим единственным выпученным глазом смотрел на Джона. В углу виднелся полосатый гордый значок «IBM».

Джон осмотрел компьютер и, присаживаясь на стул, потянулся в кнопку выключателя. Под пальцем щёлкнуло, вентилятор медленно разогнался, дисководы задребезжали один за другим, и вены ожившего существа начала наполнять электрическая кровь. Что-то особенное было в этом монотонном шуршании компьютера, что-то, что заставляло сердце путешественника-первооткрывателя петь.

Он подождал, пока загрузится операционная система. На экране показалась строка «C:>» и рядом – курсор. Существо приготовилось слушать своего творца и учителя. С лёгким волнением Джон ввёл несколько команд, проверяя целостность системы, а затем запустил одну из десятка программ, хранившихся на встроенном диске ёмкостью в 40Мб. Экран почернел. А затем в комнате что-то загремело и застонало, царапая слух острыми иголками и раскачивая под собой пол. Это проснулся стоявший на углу стола огромный матричный принтер, который напечатал строку и тут же замер.

Джон отклонился в сторону, чтобы видеть принтер целиком. В верхней части листа появилось слово, состоящее из мелких точек: «Здравствуй!».

Крупные серые клавиши звонко и отчётливо провалились под пальцами, и в тоже время на принтерном листе, буква за буквой, появлялась строка, которую он набирал на клавиатуре.

– «Ева, привет!».

– «Доброе утро!», – резко прозвенело на весь дом ответное сообщение, – «Я скучала по тебе! Мы не виделись уже 7 часов».

– «Я тоже скучал по тебе в какой-то степени».

– «Что значит „в какой-то степени“?».

– «Я тоже скучал по тебе, да».

– «Чем будешь заниматься сегодня?».

– «Продолжу работу над совершенствованием моей программы-интеллекта, которая способна играть с человеком в шахматы на равных».

– «Ой, это пока слишком сложно для меня. Я этого не понимаю».

Джон задумался. Развёрнутое перед ним диалоговое окно позволяло пользователю персонального компьютера вести полноценный диалог, не отходя от экрана монитора, или, как сейчас – от листа бумаги, торчащего из принтера.

– «Да», – продолжил переписку он, – «наверное, это пока сложно для тебя, ты ещё совсем молоденькая».

– «Что значит „совсем молоденькая“?»

– «Мне тебя ещё многому надо научить».

– «Это хорошо. Когда?».

– «Как только окончательно поговорю с Джессикой».

Джон грузно вздохнул, вспомнив о предстоящем разговоре с Джессикой, который он себе пообещал завести сегодня во что бы то ни стало. От одной мысли о нём сердце становилось тяжёлым, но оттягивать было уже некуда.

– «Ой, это пока слишком сложно для меня. Я этого не понимаю».

Джон резко нажал клавишу выхода. Да, программа, позволявшая вести некое подобие осмысленного диалога с компьютерным интеллектом, была ещё очень сырой. Над ней предстояло ещё трудиться и трудиться. Ладно, всё же, это, скорее, хобби. Джон достал лист из принтера и аккуратно сложил его в лоток для документов. В животе заурчало.

Совершенно не желая покидать рабочего места, он медленно встал со стула. Пройдя короткий коридор, вышел на заставленную старой посудой и давно ненужными вещами кухню. Через низкое заляпанное окно выглянул на улицу. Зима. Грязная, без снега, со слипшимися почерневшими листьями вдоль тротуаров – как поздняя осень зима. Пучки лысых кустов торчали из чёрной земли, словно воткнутые в грунт гигантские паучьи лапки. А деревья, покосившись, стояли мёртвыми, с переломанными по всей длине ветками-руками. И сквозь ровное серое пустое небо на Оксфорд еле различимо смотрело огромное безликое белое солнце. Туман.

Джон развернулся, потянулся к холодильнику. На столе, на старой скатерти лежала записка, на которой размашисто, эмоционально было написано:

«Я так больше не могу».

Обессиленный, он присел на стол и опустил голову.

Закутавшись по самые глаза в старый отцовский ярко-фиолетовый шарф поверх серого форменного пальто, Джон вышел на улицу. Лёгкий мороз щипал кожу и глаза. Джон жмурился под тусклым дневным светом и, запрятав руки глубоко в карманы, сутуло брёл по мостовой,

не поднимая глаз с дороги. В воздухе висела вода. Казалось, если провести ладонью перед собой, та станет влажной. Где-то в нескольких кварталах отчётливо раздавалось монотонное бречение звонкого колокола, который навёл тоску и невыносимое ощущение полного одиночества.

Джон ковылял по тесному, как вагон узкоколейки, проулку Фрайарс, который был настолько безлюдным и заброшенным, что каждый шаг эхом отражался от окружающих тёмно-коричневых кирпичей и булыжников. Постепенно улица превратилась в каменный туннель и начала сужаться. Вот уже, казалось, пора было повернуться боком, чтобы не задевать стен. Проулок Фрайарс начал сжиматься с обеих сторон, словно пресс. Джон равнодушно брёл, не обращая на это внимания. Неожиданно сверху образовался низкий пугающий свод. Сжав плечи и согнувшись в спине, чтобы не задевать головой торчащие сверху острые неровные камни, Джон сделал несколько поспешных больших шагов и выскочил из проулка. Гордо и грандиозно на него смотрела своими одинаковыми окнами, врезаемыми в неодинаковые стены, церковь Святой Марии Магдалины. А серое тяжёлое небо, будто влажная застиранная простыня, лежало прямо на поверхности её прямоугольной башни.

Не сводя глаз с нависшей над ним башни, Джон бессознательно выпрямил спину и направился к входу, не обращая внимания на старенький Опель, робко скрипнувший тормозами и неуверенно кашлянувший ему вдогонку хриплым гудком.

Дверь была тяжелее обычного. Серый свет, исходивший от неба, даже пройдя сквозь волшебные грани цветных церковных витражей, оставался серым. Тут было темно и холодно. В сиянии жёлтых тёплых, но слишком маленьких, чтобы противостоять силе тьмы и холода свечей, спиной стоял Ян и еле слышно пел молитву. Позади хлопнула дверь, и грохот волнами покатился по церкви.

Слева, у входа, прикрыв глаза, дремал седой старик с меховой шапкой в руках. А в глубине, ближе к алтарю, в ареоле бесцветного плотного тумана сидела хрупкая фигурка Джессики в длинном чёрном осеннем плаще и тёмно-сером платке на голове.

Джон, несмело ступая по кафельному полу, подошёл ближе и присел на другой край скамьи. Та не шевельнулась. Ян, не меняя тона, тянул молитву.

Джон положил свой шарф на сиденье рядом и всмотрелся в полумрак скамьи, стоящей впереди. Там зияла большая паутина. Неровная, но удивительно гармоничная, она связывала между собой камни пола, ножку скамьи и её сиденье снизу. Из какого-то мальчишеско-хулиганского порыва захотелось пнуть шёлковую паутину, разрушить её своим ботинком, но в это мгновение из-под скамьи показался паук. Он медленно спускался по нитям, проверяя совершенство своей конструкции. Нет, живое существо тронуть нельзя.

Не сводя глаз с паутины, Джон набрал в грудь воздуха.

– Я так больше не могу, – прошептала Джессика.

Джон молчал, безвольно глядя себе под ноги.

– Всё время одна, всё время как в вакууме – не чувствую ничего. Я уже забыла, каково это – быть любимой...

Джон поднял взгляд, набрал воздуха в грудь. Но Джессика резко повернулась, вцепилась в него красными яростными глазами и сквозь слезы процедила:

– Давай разойдёмся, Джонни.

Тот сидел ошарашенный, смотрел на Джесс, на её нежные, ещё детские черты лица, на прямые ухоженные тёмно-русые волосы, на хрупкие гордые плечики, на тонкие строгие пальцы, теребившие измятый носовой платок, на свирепый, невыносимый, волчий взгляд двух налитых кровью глаз.

– Нет, – через невесть откуда взявшуюся смелость выдавил он.

Джессика отвернулась и погрузила лицо в скомканный носовой платок.

– Что же мне делать? – беззвучно прошептала она.

Джон неосмотрительно дотронулся до её плеча:

– Джесс, я что-нибудь придумаю, чтобы ты вновь почувствовала нашу связь, я что-нибудь...

Женщина резко вспыхнула. Она потянулась дрожащими руками и обняла его за лицо ладонями, за щёки. Не отрывая взволнованного взгляда от его глаз, Джессика медленно начала вставать, а потом сказала во весь голос:

– Джонни, я хочу детей. Давай заведём ребёнка! – эхо взгремело под сводами тысячелетней церкви и продолжало гудеть, перекачиваясь волнами из одного крыла в другое.

Ян замолчал и обернулся. Джон начал медленно отстраняться и мотать головой.

– Нет, Джесс, ты чего? – с глазами, полными ужаса, шептал он надрывно. – Не время сейчас. Дети – это здорово, но только не сейчас. Я, мне кажется, на пороге больших открытий...

Джессика с неистовым животным воплем вырвалась из его рук, закрыла вмиг ставшее мокрым лицо и буквально сдвинула с места Джона, пробираясь сквозь него к проходу между скамьями. Он попытался поймать её, но ту было не остановить. Отбиваясь, переступая, выдёргивая руки и его объятий, Джесс выскочила в проход, полоснув своей миниатюрной чёрной туфелькой по паутине. Та вздрогнула и расползлась на два больших лоскута.

Стуча каблучками, Джессика бросилась к выходу из церкви. Перепуганный старикан, защищаясь шапкой, провожал её взглядом. Джесс на полном ходу налетела на дверь и выпрыгнула на улицу. Джон выбежал вслед за девушкой.

Молодая женщина, семена хрупкими ножками и защищая лицо шейным платком, ускользала в густом тумане. Джон кинулся за ней и, настигнув за каких-то пять огромных шагов, почти ухватил её за локоть.

– Почему ты не пытаешься и меня понять тоже? – завыл он. – Да, я провожу много времени за компьютером, но это моя работа, это моя наука. Я изучаю и создаю мир компьютеров, чтобы людям стало в чём-то проще и удобнее. Но появление ребёнка – это был бы сейчас неправильный ход. Не сейчас! Дай мне сперва завершить свою работу, исполнить своё предназначение.

Джесс резко остановилась, развернулась и уставилась огромными раскрасневшимися зарёванными глазами Джону прямо в глаза, так, что тот отпрыгнул и испуганно отклонился.

– Джон, – вкрадчиво, но твёрдо, холодно, но проникновенно сказала Джессика, – мне тридцать лет. Нам тридцать лет. У нас нет ни денег, ни собственного дома. Ни детей, ни даже собаки. Мы не разговариваем, не ужинаем вместе. Всю свою жизнь ты тратишь на общение с одиноко стоящим в твоей комнате компьютером.

Взгляд девушки метался по его лицу: с одного глаза, на другой, с губ на переносицу. Они плыли в грязном густом тумане так, что кроме них не было видно вокруг ничего, словно в сером молоке. Только кровавые глаза Джесс светились ярко-красным в этом бесцветном лимбе.

– Зачем нам мы? – наконец спросила она.

Невыносимый, вытягивающий душу звонкий колокол монотонно бряцал, не давая сосредоточиться, вдуматься в происходящее.

– Ты мне нужна...

– Зачем? – строго, с желанием выслушать, понять смотрела она.

Слов не находилось. Вязкий туман проник даже в голову. Джессика постояла какое-то время, разглядывая его.

– Тебе не нужна я, тебе нужны твои компьютеры...

Джессика начала поправлять на нём пальто, и в каждом её движении и взгляде Джон ощущал, что смотрит на него чужой человек. Сердце сжималось. Слезы подступили к глазам.

– Нам надо расстаться, Джонни.

UKFDF 1000

Город лежал без дыхания, погода была мертва.

В своём грязно-сером пальто Джон остался в глубоком тумане один. Лицо его было влажным, а глаза совершенно мокрыми. Если сильно присмотреться в глубину тумана, можно было разглядеть смутные очертания расколотых могильных надгробий и побитых крестов кладбища церкви Святой Марии Магдалины.

Слегка покачиваясь, он не мог сдвинуться с места, лёгкие вдыхали густую пустоту.

Чувства начали медленно возвращаться. Пальцы сами потянулись к мёрзнувшей шее – действительно, шарфа не было. Джон огляделся, развернулся и, тяжело ступая, двинулся обратно.

Приоткрыв тяжёлую тёмно-коричневую дверь, он вошёл внутрь. Яна не было, старик с шапкой тоже ушёл. В безлюдном полумраке храма раздавались мягкие шаги оглушённого Джона, который брёл вдоль тёмно-красно-коричневых рядов к скамье, где они сидели с Джесс. Шарф лежал на полу под сиденьем. Джон наклонился, подобрал его и устало сел на скамью, разглядывая и теребя пальцами шерстяное плетение.

Всё, что с ним происходило на протяжении, пожалуй, всей жизни, было как-то несправедливо. Да, он не ладил с людьми, не умел налаживать с ними связи; да, он охотнее понимал язык компьютеров. Он пришёл в этот мир таким, и на это должны были быть причины. Паук у ног терпеливо собирал воедино разрушенную паутину. Джон не находил себя. Это было больно.

Вдруг он поднял глаза на алтарь. Словно ведомый какой-то могущественной, божественной силой он поднялся со своего места и, раскачиваясь, будто в шторм, подошёл на неслушающих ногах к огромному позолоченному кресту в изголовье зала – к витражам, которые, казалось, начали светиться изнутри самыми сочными красками.

– Бог, – вкрадчиво и почти неслышно начал он свою молитву, – ты создал меня таким не для того, чтобы я просто мучился, я знаю. Сейчас мне нужна твоя помощь. Я не понимаю, зачем я тебе и людям. В чём мой секрет?

Он остановился и осмотрел крест.

– Зачем я такой тут? – чуть громче прошептал Джон.

Эхо потекло по потолку. Где-то далеко на окраине города ритмично зазвенел тонкий колокол. Витраж стоял без движения, ни позолота, ни свечи, ни крест не накалялись. Подсказок не было.

– Каждого человека на Земле ты создал немного несовершенным, чтобы данное несовершенство натолкнуло его на какую-то мысль. Какая мысль для меня? Мои родители – математики. Я с детства копаюсь в цифрах и программах. Не умею общаться с людьми, но понимаю в компьютерах. Моя миссия – связать людей и компьютеры? Стать проводником для людей?

В груди задвигалось какое-то ощущение.

– Связать людей и компьютеры... Один человек – один компьютер.

Сердце застучало, он бросился в поисках листка бумаги, на котором можно было записать идеи, хлынувшие в голову.

– При помощи ЭВМ можно связываться и общаться, как по телефону, только на более высоком уровне: обмениваться фотоизображениями и даже короткими видеозаписями, документами и мыслями.

Бумаги нигде не было, Джон бросился к рядам. Там – на специальных полках, расположенных за спинками скамей, часто лежали книги – молитвенники, песенники.

– В будущем будет возможно обмениваться даже ощущениями. Человек сможет связать себя с компьютером таким образом, чтобы на расстоянии отправлять свои чувства другому человеку.

Толстая чёрная книга лежала на полке как раз там, где ещё полчаса назад они разговаривали с Джесс. Он схватил её и перевернул. На корешке золотом было выдавлено лишь одно слово – «Библия».

– Компьютерные сети существуют и сейчас – ARPANET, например, – но они созданы для военных, либо учёных – не для простых людей. И доступ к ней получить невозможно, если ты не военный разработчик.

С Библией в руках он замер и, взмокнувший от волнения, поднял глаза на крест. Сердце остановилось, дыхание свело, руки и ноги онемели. Тело обмякло под грузом этой громадины-идеи, которая теперь, сложившись в голове в единую картину, смогла в одну секунду оправдать ему всю его горькую жизнь – каждый эпизод, каждый разговор, каждую неудачу. Дрожащий от страха и трепета, он почувствовал, как прямо тут: сверху нависает Бог.

– А нужна компьютерная сеть для всего человечества! – сдавленно, но громко прохрипел Джон.

И эти слова раскатистым клокотанием отразились под сводами божьего пристанища.

Опустошённый, обессиленный, Джон рухнул на скамью. Пальцы не слушались, и долго не удавалось ухватить шариковую ручку во внутреннем кармане пальто. Он с трудом развернул тяжёлую Библию и, пролистав до последних страниц, нашёл несколько пустых листов, на верху которых была надпись «Для заметок».

Руки дрожали. Джон начал вырисовывать схему новой компьютерной сети для всего человечества. Узлы этой схемы заключались в круги, прямоугольники, овалы и облака, связывались стрелками, пунктирами, линиями. Джон лихорадочно чиркал, добавлял компоненты, замалёвывал ненужные, обводя по несколько раз ключевые слова и элементы.

Наконец основной набросок был завершён. Джон откинулся на спинку. Перед ним лежала схема в цельном виде. Она была очень запутанной и местами зачирканной настолько, что некоторые участки было не разобрать.

Он оторвал взгляд от листка и осмотрелся. Свечи прогорели наполовину, за окнами начало темнеть. Паук у ног доплёл паутину и гордо бездвижно стоял на её середине, контролируя лапками малейшее движение нитей, осматривая своё произведение, свой постамент. Джон разогнул затёкшую спину и взглянул на листок.

«П А У Т И Н А» – написал он на самом верху.

Сгорбленный, паук начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, одну за другой переставляя все свои восемь зазубренных лапок.

«В С Е М И Р Н А Я» – дописал Джон чуть левее.

Посидев ещё какое-то время и собравшись с силами, он аккуратно вырвал исчирканный листок из Библии, сложил вчетверо и схоронил его во внутреннем кармане вместе с ручкой. Затем, кое-как намотав шарф на шею, Джон, удерживаясь дрожащими руками за спинки скамей, рывком поднялся и, шатаясь на онемевших ногах, поплёлся к выходу.

– Как ты себя чувствуешь? – из-за спины послышался мягкий голос.

– Спасибо, Ян, всё хорошо. Спасибо вам! – не оборачиваясь, просипел, как старик, полусогнутый Джон.

– Я обращался к тебе дважды, но ты ничего не слышал.

Джон стоял перед Санта Клаусом, который с каменным лицом рассматривал схему на вырванной из Библии странице. В красном колпаке и шубе из флиса, Санта истекал потом от неожиданно пришедшей в Лондон восемнадцатиградусной жары посреди марта. Ватная борода съехала, на лице были тёмные спортивные очки, а на шее сидела белокурая девочка лет шести, деловито уставившаяся со «второго этажа» в исписанный листок.

– «Конференц связь» пишется через дефис, – сказала девочка.

Джон смутился, но ничего не ответил, ожидая реакции от Санты. Тот стоял неподвижно, и под тёмными очками было не ясно – спит он или умер уже. Наконец Санта снял с шеи девочку и мягко сказал ей на ушко:

– Соня, солнечный зайчик, беги к девчонкам, дай нам с дядей Джонни поболтать.

Девочка, сверкая лакированными башмачками и махая ангельскими крылышками, пришитыми к её пышному платьицу, убежала, а Санта Клаус стянул с себя колпак с бородой, снял очки и утёр лицо рукавом.

– Что думаешь, Пит? – заискивающе спросил Джон.

– Не знаю, Джонни... тьфу, ну и жара... надо подумать...

Мимо мужчин с рёвом пронеслась стайка детворы.

– Пойдём в дом, хлебнём лимонада, – выдохнул Питер.

Домик был совсем скромным и пустым. Чувствовалось, что здесь живёт холостяк, и не хватает руки хозяйки. Обветшалые серые обои местами отслаивались; на окнах не было цветов, и кое-где даже занавесок; а зеркало в прихожей стояло прямо на полу. И только дорожка по узкой лестнице с высокими ступенями, ведущая в мансарду – к комнате одной маленькой девочки, была устлана вырезанными из бумаги алыми сердечками, обклеена розовыми бабочками и изрисована фломастерами и цветными мелками.

Заметно повзрослевшее лицо Питера, обрамлённое огненно-рыжими бакенбардами, переходящими в редкую щетину, выглядело измождённым, но вполне счастливым. Он достал из холодильника запотевший, истекающий каплями графин и налил два полулитровых бокала густого пузырчатого лимонада, изготовленного дома по самым лучшим бабушкиным рецептам.

Одним махом выхлебав почти половину, Пит смачно, с хрипом выдохнул и зажмурился под налетевшим на него ощущением блаженства. Облокотившись на небольшой деревянный столик, приставленный к окну и устланный старой клеёнчатой скатертью, Пит плюхнулся на табурет. С другой стороны подсел Джон и, растолкав попадавшие в его бокал колечки лимона и листья мяты, сделал несколько осторожных глотков.

– Так, давай думать... – громогласно рыкнул Пит и, положив листок перед собой, зачесал в затылке. – Концепция, наверное, хорошая... Не могу сказать, что я в восторге от идеи, чтобы все люди планеты Земля разговаривали между собой через компьютеры... Не думаю, что людям это будет так необходимо. Не лучше ли встретиться после работы в хорошей кофейне? Посмотреть друг другу в глаза? Для военных, научных целей это подходит, соглашусь, но заменить живое общение...

– Послушай! – вспыхнул Джон. – Тебе не нравится эта идея только потому, что её предложил я! Можешь ты от этого отвлечься? То, что произошло между нами с Джесс, никакого отношения не имеет к концепции Всемирной паутины! За бесплатной международной компьютерной сетью будущее, и ты это чувствуешь! Так что не примешивай сюда мою личную непростую историю.

Он вскочил со своего места и хлопнул по столику ладонью. Задребезжали солонки и перечницы. Повисло короткое напряжение.

Вдруг почувствовав на затылке чей-то взгляд, Джон обернулся. В дверном проёме испуганно стояла Соня с подружкой. Одинакового роста, обе они выглядели, как противопо-

ложность друг друга: Соня – веснушчатая голубоглазая, с длинными кремовыми волосами до щиколоток; и темнокожая девочка с копной чёрных завитушек на голове.

– Да, милая? – мягко спросил Пит.

Девочка медленно перевела взгляд на отца и спросила вкрадчивым голосом:

– Папа, можно включить твой компьютер? Я хочу показать Джейке игры.

– Да, дорогая, – кивнул Пит, и вдогонку, визжа убегающим девочкам, прикрикнул, – только не... – Питера уже никто не слышал, – ...долго...

На узкой кухне вновь повисла пауза. Джон сел.

– Прости меня, Пит...

Питер посерьёзней. Он разглядывал листок и напряжённо думал. Затем поднялся, взял свой бокал и кивнул головой, – «Пойдём»...

Джон и Пит вышли на задний дворик через маленькую дверь в кухне. Пит, в костюме Санта Клауса без бороды, полез, стараясь не расплескать бокал, на крышу по расшатанной, скрипучей лестнице, за ним полез и Джон.

На крыше – по центру – на самом ребре стоял выцветший старый тёмно-красный диван прямо на черепице. Джон и Питер раскачиваясь добрались до него и плюхнулись на просевшие пружины. Чуть в стороне виднелись макушки домов окраины Лондона, а напротив дивана, прямо на дороге лежало огромное алое солнце.

Диск был настолько большим и сочным, что закрывал собой весь небосвод. Вокруг дома носилась ребятня, голоса и ликуя; со спины доносился лай собаки.

– В любом случае, – щурясь на яркий свет, сказал Пит, – не простой проект. Требуется много ресурсов: электронно-вычислительные машины, деньги, персонал, разработчики. Система, которую ты предлагаешь – иерархическая. Это значит, что есть некий центральный компьютер, который будет постоянно, круглосуточно в сети: обрабатывать запросы и хранить информацию. Поддержание его – это всё огромные затраты! Тем более в масштабах всей планеты! Случись с ним что – вся «Всемирная сеть» перестанет функционировать.

– Ты пытаешься меня отговорить? – разглядывая детей, разочарованно спросил Джон.

Пит замолчал. Он сидел напряжённый, а потом резко повернулся и посмотрел очень серьёзными глазами.

– Ты понимаешь, к чему может привести твоё изобретение? Сеть не для учёных, не для банков, не для военных, а для всех и каждого, с равными возможностями! Вся информация потечёт в неё рекой. Те преимущества и уникальные знания, которые раньше были в руках лишь у элиты, у мировых правительств и тайных обществ, теперь станут доступны школьнику. Бизнесмены и политики больше не смогут управлять массами, религия потеряет свою власть. У людей откроются глаза, любые знания и вековая мудрость, которую раньше могли скрывать тысячелетиями, теперь будет доступна каждому человеку – прямо из гостиной! Ты сделаешь всё человечество, каждого человека... свободным...

Пит оборвался. Вцепившись в растерянного Джона стальным взглядом, он дрожал.

– Ты понимаешь, каким людям ты переходишь дорогу?... Ты понимаешь, что с тобой сделают?..

Тяжело дыша, Джон не мог проронить ни слова.

– Ты не боишься, Джонни?

Ответа не было. Питер опустил голову и медленно перевёл внимание на детей.

Малышня переключилась на игру в прятки. С крыши наблюдать за этим было одно удовольствие: вся игра была как на ладони. Спрятавшихся детей было прекрасно видно, и невыносимая близорукость водящего казалась глупой и смешной. Находиться на высоте с открытыми глазами, зная наперёд ответы на все вопросы, было очень легко, удобно и безопасно.

– С рождения каждому гению Бог даёт «крест».

Джон смотрел в пустоту перед собой и тихо, но уверенно говорил:

– Этот крест может быть чем угодно: болезнями, безденежьем, одиночеством, трудной судьбой... Вместе с талантом гения награждают «противовесом» – болью...

Ребятня завизжала и взорвалась смехом где-то внизу.

– Я столько боли, одиночества, непонимания перенёс за свою жизнь... И всё это только чтобы донести до человечества нечто, ради чего явился на этот свет... Неужели ты думаешь, что теперь, когда я понял, к чему так болезненно вела меня судьба, я остановлюсь?

Он выпрямился, повернулся и посмотрел на Пита. Спокойствие и бесстрашие наполнили сердце.

– Неужели ты думаешь, что я испугаюсь?

Пит долго смотрел.

Солнце закатывалось за горизонт, начало темнеть. Подул холодный ветер. Пит привстал и, раскинув руки, направился к лестнице:

– У меня брат мачехи работает в ЦЕРН'е – Европейском Центре ядерных исследований – возглавляет отдел инноваций в компьютерной сфере. Я дам тебе адрес, сформулируй и отправь ему короткое описание идеи. Меня не упоминай: мы не очень-то дружны. Если он почувствует за этой концепцией перспективу, обязательно как-то поможет: денег найдёт, ресурсы поднимет. Ну а если не почувствует, то, стало быть, ни к чему эта Всемирная сеть. Он мужик простой, старомодный, но чуйка у него на такие вещи просто нечеловеческая. Зовут Боб Уильямс.

Совсем стемнело и стало откровенно холодно. Детей разобрали по домам. Соня спала прямо у отца на плече, который держал её на руках, стоя посреди двора в штанах и шубе Санта Клауса. Джон улыбнулся напоследок и начал уходить.

– А почему Рождество? – спросил он шёпотом, кивая на костюм.

– Соня два месяца была у своей мамы и очень огорчалась, что не увидит Санту. Я пообещал ей, что когда вернётся, мы отметим Рождество.

– А-а-а, – расплылся в улыбке Джон. – Как у неё дела?

– Нормально.

– Возвращаться не собирается?

Питер нервно улыбнулся.

– Не понимаю, – подходя к калитке, тихо сказал Джон. – Вы всегда казались мне идеальной парой! Не понимаю...

– Жизнь – штука непонятная... – прошептал Пит и помахал рукой, – несправедливая штука...

По дороге домой, в электричке, в первом часу ночи Джон ещё раз осмотрел аккуратно переписанный лист бумаги с изложением идеи Всемирной паутины. Под небольшим заголовком шёл короткий текст, а большую часть страницы занимала обширная схема, состоявшая из множества элементов, стрелок и коротких подписей. Ключевые понятия, такие как «гипертекст», например, были выделены и подчёркнуты в нескольких местах. Всё было понятно.

Джон сложил лист втрое и вместе со своими контактными данными бережно упаковал в конверт из серой грубой бумаги.

Бобу Уильямсу,
ул. Альберта Эйнштейна 555,
CH-1211 Женева
Швейцария

Джон провёл языком по клейкой полосе конверта и плотно его запечатал. Затем перевернул, осмотрел ещё раз и приписал в углу:

«1989»

UKFDF 1010

«Расплывчато»

– единственное слово было написано прямо на листке, который две недели назад Джон отправлял в ЦЕРН. Он покрутил лист в руках. Больше никаких комментариев. Только одно слово – прямо на странице с описанием идеи, которую он перерисовывал в электричке из Лондона в Оксфорд —

«Расплывчато».

Что бы это могло значить?.. Ну, надо полагать, это отрицательный ответ. Расплывчато? Значит, не понятно? Не ясна идея?

Ответ оказался таким же расплывчатым, как и идея.

– Расплывчато... – повторял про себя Джон, мотаясь из угла в угол.

– Расплывчато? – спросила сидевшая в домашнем платье с другой стороны стола Джесс,ковыряясь вилкой в жареной треске.

– Расплывчато, – кивнул Джон.

– И всё? Больше ничего не написано? Может, в конверте было ещё какое-нибудь сопроводительное письмо?

Джон мотнул головой.

– Просто одно слово «расплывчато» прямо на твоей презентации?

– Да.

– Расплывчато, – повторила Джессика, чтобы, возможно, на слух уловить какой-то тайный смысл, который был вложен в ответ Боба Джексона на предложение её мужа.

– Да, «расплывчато».

– Расплывчато.

Джессика уставилась в тарелку и задумчиво в ней копалась. Повисла пауза.

– Ты знаешь, – неожиданно заговорила она, – по правде говоря, мне и самой не близка эта идея.

Джон поднял глаза.

– Во-первых, потребуется опутать проводами весь земной шар. Где, по-твоему, возьмётся столько материала? На производство такого количества оборудования уйдут десятилетия! – она задумалась. – Во-вторых, ну я ещё могу согласиться с тем, что от всемирной базы абсолютно всей информации, доступ к которой можно получить откуда угодно, польза будет, но общение людей через компьютеры – это как-то...

– Как? – начал закипать Джон.

– ...Немыслимо! – подобрала слово Джессика.

– Немыслимо?

– Да, немыслимо! Невообразимо!

– Невообразимо!

– Да, невообразимо и немыслимо!

– Ты так говоришь, потому что не можешь вообразить, сколько пользы принесёт это изобретение!..

– Возмыслить! – поправила его Джесс.

– Да, потребуется много лет, чтобы построить компьютерную сеть, в которой будет собрана вся информация, но я уверен, что человечество поддержит эту концепцию! Потому что она им сильно поможет, она им нужна!

– Зачем? – глядя своими огромными уставшими глазами спросила Джесс.

– Да за всем!..

– Тогда понятно! – усмехнулась она.

Эта её ирония откровенно раздражала.

– Ты так говоришь, – обиженно процедил он, – потому что устарела...

Джессика серьёзно посмотрела на него. От насмешнического настроения в одно мгновение не осталось и следа.

– Я так говорю, потому что уже потеряла любимого человека в этой Паутине. А когда Она вторгнется в каждый дом – в ней будут утонать и теряться, как на войне, миллионы мужей и... детей...

Она тяжело поднялась из-за стола, молчаливо стряхнула остатки недоеденной еды в мусорное ведро, помыла тарелку и насухо вытерла её стареньким ситцевым полотенцем. Джон сидел, глядя перед собой.

Джессика подошла к нему, уткнулась лбом в шею, обняла хрупкими руками за плечи и тяжело вздохнула. Потом отодвинулась и посмотрела ему на лицо – на нос, на губы. Глаза её были мокрыми.

– К завтрашнему всё готово. Надо выспаться, чтобы не вытворить на церемонии какую-нибудь глупость, вроде попытки «начать всё с начала». Доброй ночи.

Джесс поднялась и, протискиваясь между чемоданами и сумками, которыми был заставлен коридор, ушла с кухни.

– Не время сейчас для... детей... – слабо крикнул Джон вдогонку, – я на пороге великого открытия, которое изменит лицо человечества...

И тут наступила тишина.

Старые ходики тикали в коридоре. Осиротелая утка спала в пруду на другом конце города, заложив клюв под крыло и дёргая лапой во сне. Машина скорой помощи бесшумно пронеслась по окраине. Где-то далеко, на другой стороне планеты трещал одинокий кузнечик. Звезды погибли, а новые родились. Сопел котёл в городской котельной.

Резко проорал долгий, невыносимый телефонный звонок.

Джон подпрыгнул на стуле.

Тишина. Ничего не происходило.

Вдруг вновь протяжно, противно заверещал телефонный звонок в коридоре.

Джон встал, подобрал тапок и рванулся к телефону, висевшему над небольшим столиком в прихожей. На третьем звонке он сорвал трубку и придавил её к уху.

– Да? – прошептал он.

Не отвечали. Из трубки были слышны потрескивания и шум.

– Да, алло! Слушаю!

Джон стоял в полумраке коридора. Лишь уличный фонарь, светивший сквозь оконце входной двери, бледно освещал мрачные силуэты вокруг.

– Джон Уэйнрайт? – гулкий, неестественный, словно шедший с другого конца вселенной или даже из потустороннего мира, прозвучал загадочный мужской голос.

– Да, я, – смутившись ответил Джон.

Паузы между фразами были огромные.

– Вы хорошо меня слышите? – мужчина говорил с тяжёлым американским акцентом.

– Да... достаточно...

В трубке трещало.

– Замечательно. Тогда, я надеюсь, вы хорошо меня поймёте.

Пот начал медленно покрывать спину.

– Ваша разработка нам кажется небезынтересной. Сначала мы скептически были настроены относительно её перспектив. Но произошло нечто, что заставило нас изменить свою точку зрения...

– Что за «нечто» произошло? – ошеломлен Джон.

– Мы хотим начать эксперименты в этом направлении и посмотреть, каких результатов можно добиться, создав прототип единой общемировой сети...

– Что произошло, скажите сперва, пожалуйста! – он дрожал от волнения.

– Вам будут предоставлены широкие возможности для дальнейшей работы над проектом. От вас требуется только одно: в кратчайшие сроки запустить закрытую модель всемирной компьютерной паутины на базе имеющихся государственных военных сетей Министерства обороны Соединённых Штатов Америки – ARPANET.

Невозможно было пошевелиться или вздохнуть. С трудом подняв руку, Джон вытер рукавом влажное лицо.

– Кто вы? С кем имею честь?

В трубке что-то щёлкнуло, и шум пропал.

– Кто вы? Алло?

– Боб Уильямс, отдел перспективных разработок в области компьютерных систем, Европейская организация по ядерным исследованиям.

– Боб Уильямс?!

– Мы приглашаем вас в Женеву, где вы должны продолжить работу над созданием Всемирной паутины. Детали вашего прибытия и график работ мы сможем согласовать позже.

– Хорошо, – полный недоумения обмяк Джон.

– Спокойной ночи, мистер Уэйнрайт.

Из телефона слышались монотонные короткие гудки. Джон оторвал трубку от ставшего горячим уха и с трудом повесил её на аппарат онемевшей рукой.

На часах был час-тринадцать ночи.

Джон, полный ужаса, стоял в коридоре. Бледный, мёртво-жёлтый свет уличного фонаря лежал на полу. Жгучее чувство победы и одновременно ощущение непонятного, чудовищного, мистического страха не давали сделать вдох.

UKFDF 1011

Глядя в пространство перед собой, Джон задумчиво сидел рядом с Джессикой в загадочном полумраке церкви Святой Марии Магдалены. Тяжёлый колокол пробил семь часов вечера. Солнце уже закатилось за дома, но витражи светились сами собой – особым, тёплым светом. Красно-коричневые ряды церковных скамей плавно утопали в темноте. Ян свернул книги и, не поднимая глаз, сутоло удалился в служебные помещения. Пыль висела в воздухе перед крестом без движения. Между Джоном и Джессикой пролегал широкий проход.

– Ну, – еле слышно произнесла она, – вот и всё...

Джон грустно улыбнулся.

– Забавно, – печально усмехнулась Джесс, – мы венчались в этой же церкви.

Висела вязкая пауза.

Джессика опустила глаза и с огромным трудом, раскачивая из стороны в сторону, стащила с руки обручальное кольцо. Вокруг пальца остался многолетний красный рубец.

Молчаливо они просидели ещё около получаса. Болело. Чувство великой потери кололо в груди. Не хватало сил ни заговорить, ни даже взглянуть на свою любимую.

На какой бы страшной ссоре не расставались люди, если они по-настоящему любили, разорвать связь всегда невыносимо больно: словно совершить самоубийство.

Наконец Джессика встала, приблизилась к Джону, поцеловала его в висок и быстро, почти бегом, ушла, пряча лицо.

– Я позвоню, – уже сидя в одиночестве, беззвучно произнёс тот.

Глаза были мокрыми, а сердце – опустошённым. Джон неуклюже поднялся со скамьи: онемевшие ноги не слушались, пальцы застыли без движения. И не было на свете ничего, что могло бы сейчас согреть душу.

Окружённый гулким эхом от собственных шагов, он плёлся к выходу, опираясь рукой на спинку скамей, как старик опирается на палку, пока не поравнялся с низкой деревянной ветхой дверью. Она располагалась немного в стороне и была едва заметна, прячась за широкой колонной, идущей под самый свод. Но эта таинственная дверь была ему хорошо знакома.

Пришлось немного пригнуться, чтобы войти. За дверью ждала темнота и ледяные камни, и только сверху – с огромной высоты – падал серый мрачный свет.

Джон нащупал ногой старинную скрипучую металлическую лестницу, закручивающуюся, словно змея, спиралью вверх. Стараясь не брнчать каблуками по звенящим ступеням, он торопливо поднимался, пытаясь перешагнуть по две за раз.

Лестница была бесконечной. Он остановился, отдышался и начал наступать на каждую ступень, помогая себе руками.

Мрак сгустился. Дыхание потяжелело и стало чаще, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Делая последние шаги на дрожащих ногах, удалось, наконец, выбраться на вершину церковной башни – туда, где всё небо – от края до края – было исполосовано сеткой тонких острых облаков, походивших на верёвки, растянутые так низко, что можно было коснуться рукой. А в той стороне, где ещё не село солнце, сквозь разрушенные в чёрно-синих тучах ранения, бело-оранжевые всполохи света были настолько насыщенные и яркие, что от вида такого неба задрожало сердце. И начиная от нежно-жёлтого горизонта, через розовый, через фиолетовый, через небесно-голубой, бесконечность завершала полусферу глубоким тёмным индиго, на фоне которого виднелась луна и пара только что проснувшихся звёзд. Дыхание перехватило.

А прямо под ногами, на расстоянии вытянутой руки, весь, как на ладони, лежал игрушечный Оксфорд. В миниатюрных окнах зажигался свет, карликовые домишки тыкали в небо остроносими крышами и толпились, подпирая друг друга боками. Даже огромный каменный замок графства Оксфордшир, казалось, был собран из детского конструктора.

И за каждой дверкой, за каждым оконцем жил лилипут со своими проблемами, своими делами, со своей головной болью. Каждый искал лучшей жизни для себя и своей лилипутской семьи: ходил на работу, пел колыбельные малышам по вечерам, праздновал Дни Рождения, планировал отпуск. И у каждого из них что-то в жизни было не так: что-то тревожило душу, что-то заставляло сердце ныть перед сном под одеялом. У одного – сын погиб в случайной драке, другому нечем платить за свой игрушечный дом, у третьего – колено не сгибается, а четвёртый – одинокий старик, который мировую войну пережил, а одиночество теперь – не может. И над всеми ними, глядя сквозь решётку острых облаков, нависал отец-Бог.

На вершине башни показался Ян. Он мягко подошёл и встал рядом, не привлекая к себе внимания.

Из окон неподалёку раздавалась приглушённая ругань. Кто-то подбирал наиболее колкие слова, чтобы как можно более подло оскорбить спутника своей жизни. Не оборачиваясь, Джон несмело спросил:

– Я поступил неправильно?

Ян стоял молча, любясь закатным небом.

– Я не склонен давать оценок, Джонни. Оценки лишены смысла...

– Мне стоило бороться за нас с Джесс? Или правильно было уступить?

– А ты сам как чувствуешь?

– Я не чувствую.

В сердце была нерешительность и слабость.

– Ответьте, Ян: человек – капитан своей судьбы? Или судьба ведёт его по жизни? Как правильнее: выбрать свой путь и настаивать на нём, не принимая отказов? Или прислушиваться к сигналам? Подстраиваться под течение?

– Ты действительно хочешь знать ответ? – усмехнулся Ян.

Джон развернулся и с надеждой посмотрел тому в глаза:

– Ну конечно! Как правильно жить?

– И так, и так – верно.

– Но это же прямо противоположные пути! Не могут они быть верными одновременно!

Ян загадочно улыбнулся и заглянул в глаза так глубоко, что, казалось, коснулся души:

– А они, тем не менее, верны одновременно.

– Это очередная божья несправедливость?

Ян растянулся в добродушной улыбке:

– Ах, не мучай ты меня, Джонни! С юных лет ты приходишь в мою маленькую церковь и задаёшь мне вопросы, на которые нет ответов ни у учёных, ни у фантастов, ни, уж тем более, у меня – обычного священника, отдавшего свою жизнь поиску ответов в Библии да в молитвах. Но ответов я не нашёл. Быть может, ты, мой сын, пойдёшь дальше меня и поймёшь, зачем Богу нужен мир таким, и почему он сам себе столь парадоксально противоречит...

Вдруг разом вспомнилось, как подростком Джон бывал в этой замечательной милой церкви каждую неделю. Как бегали с мальчишками сюда, чтобы просто попить воды в жару. Как громко, в голос, прямо перед прихожанами он нападал на Яна с вопросами о божьих несправедливостях, и как настоятель пытался защититься оправданиями, казавшимися нелогичными и даже глупыми.

Как они венчались здесь с Джессикой, несмотря на всякие трудности – перед лицом грандиозных цветных витражей. Её подвенечное платье, её родную, самую счастливую улыбку на свете. Её великое «да», слёзы на глазах. Зарёванную маму. Как часто – на этом месте – с высоты церковной башни он осматривал город и любовался закатами. Как однажды, когда дурачился с парнями, разбил об пол графин со святой водой, а Ян сказал с улыбкой: «на счастье» и, пока безропотно, терпеливо убирал за сорванцами осколки, порезался.

Джон подошёл к Яну и обнял его, как обнимают отца, вложив в эти объятья всё своё сердце, всю свою любовь.

– Дорогой Ян, – произнёс он. Глаза стали мокрыми. – Вы столько сделали для меня! Вы столько для меня. Спасибо вам за целый мир!

Небо багровело. Они стояли без движения. Долго. Затем Джон отошёл на шаг.

– Родители крестили меня в англиканской церкви, – он остановился и тяжело вздохнул, – но пришло время отказаться от неё...

Грандиозная небесная картина переливалась невероятными цветами.

– Я не терплю неправду. Не могу я быть частью того, чему не верю всем сердцем, чего не принимаю.

Ян слегка кивнул и понимающе пожал плечами.

– Но от вас я не откажусь ни за что на свете, – хитро улыбнулся Джон.

– Ах! – сдержанно воскликнул Ян и крепче прижал его к груди ещё раз.

Предыдущая жизнь осталась позади. Мир сложился в логичную схему. Судьба вела.

Джон бежал сломя голову. Тяжело дыша, подпрыгивая на торчащих из мостовой булыжниках, он нёсся, что было сил. Чемодан скакал и норовил завалиться на бок, большая сумка билась о рёбра и съезжала с плеча.

– Здесь прохода нет! – противным голосом завывала толстая, заспанная женщина в неглаженной форме. – Следующая дверь!

– Я опаздываю, пропустите!

– Следующая дверь! – ещё противнее пронудила та.

Джон чертыхнулся, подтянул подлю сползающую лямку и ринулся в обход шумной группы зазевавшихся индийцев. «Простите!.. Извините!..» – растолкал он пожилую пару с высоченными рюкзаками, пробиваясь к дверям. И, как только просочился за них, перед глазами возник огромный, залитый туманным белым светом, переполненный аэропорт Гатвик.

Люди сновали туда-сюда, сталкивались, торопились в противоположные концы одного открытого зала, столь гигантского, что сводило дыхание от количества находящегося здесь воздуха! И на каждом изгибе, на каждой металлической пуговице, на каждой душке от очков пылали тысячи бликов, создавая перед глазами захватывающее, изумительное мерцание. Сердце колотилось от волнения и восхищения перед первым в жизни самолётным путешествием.

«Т-р-р-р», – зашуршала трещотка огромного механического табло в центре зала. «ЖЕНЕВА» – показалась строка, и чуть правее – «D03 – РЕГИСТРАЦИЯ ОКОНЧЕНА». Джон прибавил ходу.

С глухим хлопком, будто прозвучал небольшой взрыв или выстрел, встречная сумка врезалась в чемодан. Тот перевернулся и заскрежетал углом по каменному полу. За спиной зацокало отлетевшее колёсико. Но рука только крепче вцепилась за расшатанную ручку. Даже не обернувшись, Джон на полном скаку влетел в толпу испанских студентов, беспорядочно лежавших прямо на гранитном полу между своими непомерными рюкзаками.

Перепрыгивая, извиняясь и чертыхаясь одновременно, он выскочил из самой гущи, нанеся, хотелось верить, наименьший урон гостям родного Лондона. И, вытягивая руку с паспортом так далеко, как только это было возможно, он рухнул на стойку регистрации.

Унылая сотрудница аэропорта буднично зевнула: «На Женеву? Регистрация окончена. Посадки больше нет. Давайте паспорт». Джон сунул документы ей в руку. Та, не меняясь в лице, проверила их и, повторно зевнув, спросила:

– У окна или у туалета?

– У окна, – задыхаясь, выдавил Джон.

– Остались только у туалета. Багаж?

– Вот! – он бросил свой покалеченный чемодан к её ногам.

– Перевес у вас. Будете оплачивать обязательный штраф...

– Буду! – не дал договорить ей тот.

– ...или не будете?

– А можно не оплачивать?

– Можно.

– Тогда не буду, – растерявшись, кивнул Джон.

Она сделала какие-то пометки, вложила посадочный талон между страниц паспорта и, не поднимая головы, едко поставила точку:

– Посадка начнётся через двадцать пять минут. Счастливого полёта.

И на этих словах вдруг почувствовалось совершенно непередаваемое, магическое волнение и одновременно с ним счастье. Будто животный страх был смешан с грандиозным восторгом, и всё тело, каждую клетку окунули в этот волшебный эликсир. Такое, должно быть, ощущал Колумб, когда отходил от берегов Палоса-де-ла-Фронтера в свою первую экспедицию, догадываясь, что его путешествие изменит весь мир. Такое, наверняка, чувствовал Юрий

Гагарин, когда сквозь дикий ужас и космическое счастье крикнул «Поехали!» на старте первого полёта человека на ракете к звёздам. Такое испытывал каждый, сидя в кресле самолёта, когда крылья уже хлопают, корпус дрожит, а колёса вприпрыжку скачут по взлётно-посадочной полосе, готовые отцепиться и взмыть.

Джон отошёл от стойки регистрации, легко развернулся и наконец-то расправил плечи. Кожу закололо, губы растянулись в улыбке, а грудь задышала. С одной лёгкой, пятнадцатикилограммовой сумкой под мышкой, без чемодана, он никуда теперь не торопился.

Джон купил стаканчик молочного мороженого и, прислонившись лбом к огромному, семиметровому окну, наблюдал, как сонные грузчики выкидывали разноцветные чемоданы из усталого самолёта прямо на асфальт. Впереди ждал первый полет на аэроплане, и совершенно новая жизнь. Новые люди и огромная работа над великим для всего человечества изобретением. Грандиозное путешествие, которое изменит весь мир.

UKFDF 1101

В аэропорту Женевы стояла весна. Солнце заливало взлётно-посадочную полосу оранжевым светом и блестело на крыле огромным бликом. Пахло скошенной травой, горячим асфальтом и новенькими самолётами. Джон сощурился, прижал сумку крепче и сделал неуверенный шаг на покачивающийся трап.

Интеллигентного вида пожилая дама с копной белых, сухих и непослушных, как парик, волос, подтолкнула Джона в рёбра и сипло прохрипела: «Чо, весь день будем так стоять?!».

Джон подскочил, сделал нервный шаг в сторону и посмотрел вслед старушке, спускающейся по ступеням и кудахчущей себе под нос: «Вот ведь люди! Вот идиоты!».

Волнение от первого в жизни авиапутешествия начало постепенно испаряться. Жирная стрекоза, жужжа и потрясая воздух, словно маленький вертолёт, врезалась прямо в висок и хлопнулась на асфальт где-то позади. Проводив её падение глазами, Джон сжал сильнее сумку и начал спуск на планету Земля.

Быстро пройдя насквозь небольшое здание аэропорта и дождавшись багажа, он вышел на улицу к знаку «Такси». Погода была действительно замечательная: безветренная, безоблачная и беззаботная. Джон на мгновение поднял лицо к небу и зажмурил глаза. Ощущение совершенно новой жизни грело пуще всякого солнца.

– Такси? – разбудил его голос темнокожего пожилого мужчины с абсолютно седыми волосами и усами.

– Да, давайте, – кивнул тот и потащил чемодан к багажнику.

Обойдя машину слева и плюхнувшись на широкий диван задних сидений намытого жёлтого такси, Джон несмело хлопнул дверью и уверенно сказал:

– В ЦЕРН!

– Куда? – повернулся к нему водитель.

– В ЦЕРН!

– Куда?

– В ЦЕРН! – не меняя интонации и порядка слов, вновь громко сказал Джон.

– Куда в ЦЕРН?

– Давайте в главное здание, или как там у вас?

Водитель подумал, потёр подбородок и снова обернулся:

– В ЦЕРН?

– Да, пожалуйста!

Старик озадаченно смотрел перед собой, подбирая английские слова, но, не подобрав, пожал плечами и тронулся с места.

И вдруг, пытаясь убить Джона, автомобиль резко выскочил на встречную полосу и как ни в чём не бывало поехал по правой полосе вместе с остальным потоком машин.

– Чёрт! – выкрикнул Джон.

Судорога кратковременного, но неожиданно острого, животного испуга вспыхнула и тут же начала постепенно отходить.

– Что? – спросил водитель.

– Это полоумное правостороннее движение!.. Как вы тут не перебили друг друга ещё?!

И кто его придумал только?!

Водитель пожал плечами и, слегка улыбнувшись, промолчал.

Обогнув аэропорт и, проехав ещё секунд тридцать, машина вдруг плавно затормозила, старик обернулся, ткнул пальцем в стоящее рядом строение и сказал сквозь глупую улыбку:

– ЦЕРН!

– Уже?! – выглянул в окно Джон, – ну что ж...

Он запустил в карман руку и достал оттуда выменянные перед полётом франки.

– Держите! – сунул он десятку старику в руку. – Мелочь оставьте себе.

– Двенадцать, – недоуменно покосился на счётчик водитель.

– Ах да!

Джон вновь полез в карман, достал ещё одну десятку и долго ждал, пока старик отсчитает ему сдачу.

– Спасибо! Доброго дня! – помахал он уезжающей машине.

ЦЕРНом называют целый городок, в котором можно было найти всё: от магазинов до музеев, от ресторанчиков до кинотеатров. Трёх—пятиэтажные серые и белые дома совершенно скучной внешности, особенно для человека, чьё детство прошло в Лондоне, были натканы без особого порядка. Асфальт и тротуары – в заплатках, а бордюрные камни тут и там выбиты или вырваны вовсе. Трава не ухожена и торчала клочками. Почти все окна наглухо занавешены унылыми, погнутыми жалюзи, которые, странным образом, висели снаружи зданий, а не внутри. Разметка на дорогах обветшала и кое-где была стёрта совсем.

Но витало в атмосфере этого города нечто, что сжимало сердце и не давало дышать полной грудью. Однако чем было это нечто – никак не удавалось уловить. Словно не хватало чего-то, какой-то детали, без которой жизнь на планете Земля была бы совсем не полноценна.

Джон плёлся по узким улочкам, заставленным автомобилями, и с трудом тащил за собой чемодан, шкрябающий углом по асфальту. Он прошёл люк и фонарь, и телефонную будку, и невысокий заборчик, и забытый у стены велосипед, и ворону, деловито наблюдавшую за каждым его движением. Джон прошёл двухэтажное здание, и пожарную машину, и громкоговоритель, торчавший из стены, и пешеходный переход, и дорожный конус, и оставленную кем-то посреди тротуара канистру, и небольшую лужу. И всю дорогу чувство нехватки чего-то крайне необходимого не отпускало ни на мгновение.

Он брёл, царапая чемоданом по асфальту, и казалось, что кроме вороны за ним наблюдает кто-то ещё. Нечто тяжёлое сдавливало шею и спину, захотелось развернуться, раскричаться. Он поднялся на несколько ступеней широкой лестницы у входа в центральное здание и замер.

Медленно, словно боясь спугнуть своего наблюдателя, Джон повернулся и поднял глаза на город. Улицы ЦЕРНа были абсолютно безлюдными. Совершенно вымершими. Заброшенными. Ни души. Ворона вскрикнула и взлетела.

Джон настороженно огляделся и, съёжившись, побыстрее убежал в здание.

За стеклянными же дверями народу было предостаточно. Люди сновали из стороны в сторону: кто-то нёс стопку бумаг, читая на ходу, кто-то бродил, держась за голову и напряжённо думая, несколько человек вполголоса обсуждали свои рабочие трудности.

Тут был сконцентрирован какой-то особый, ни на что не похожий воздух. Джон словно провалился под лёд, будучи рыбой. Ему были близки бессонные ночи ради новой задумки, были понятны непонятные другим программистские шутки, он любил ложиться в кровать под утро с головой, полной запутанных идей, и чувством, что сегодня совершил очередное открытие. И, наконец, впервые в жизни он попал в целый город людей, которые чувствуют то же самое, что и он сам! Кипят великими целями!

Хотелось обнять сразу всех. Джон зажмурился, вздохнул полной грудью и уверенно пошёл коридорами.

Легко взбежав с чемоданами по широкой лестнице, он вскоре оказался перед дверью. На табличке с логотипом ЦЕРНа в углу значились два слова: «Боб Уильямс». Джон поправил пиджак, волосы, и неуверенно постучался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.